Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №8.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №8

Октябрь 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Арбитражно-процессуальное право **4**
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СПОРА КАК ОСНОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ САМОЗАНЯТЫХ 4
Агаркова Владислава Валерьевна
Тюрин Иван Александрович

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 12
Крохалева-Лялина Екатерина Вячеславовна
Дегтярев Михаил Аркадьевич

Банковское право **18**
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИНАНСАХ 18
Цылева Юлия Владимировна

Гражданское право **25**
ОБЯЗАННОСТИ ДИРЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (США, ЕС, РОССИЯ) 25
Харламова Юлия Сергеевна

Деятельность судебных приставов **33**
РОЛЬ ФССП В РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 33
Фахретдинов Богдан Русланович
Нагиев Руслан Сохбатович

Налоговое право **43**
НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ 43
Долотова Ксения Алексеевна

Семейное право **49**
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 49
Юхтарова Мария Сергеевна

Судебная медицина и судебная психиатрия **58**
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА СМЕРТИ ПРИ ПЕРЕДОЗИРОВКЕ АЛКОГОЛЕМ 58
Богачева Милана Юрьевна
Яковлева София Александровна

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ СИМУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПРИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ 68
Грищенко Максим Антонович
Чайковская Арина Артёмовна

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ ЭКСПЕРТНОГО РЕШЕНИЯ 76
Липатова Милена Витальевна
Сорокина Дарья Андреевна

Уголовное право **93**
СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВИДЫ СОУЧАСТНИКОВ И ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ 93
Гнитецкая Екатерина Александровна

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА 105
Позднякова Виктория Игоревна

Экологическое право **119**
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЦИД (СТ. 358 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ 119
Богачева Милана Юрьевна
Яковлева София Александровна

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ 128
Чайковская Арина Артёмовна
Грищенко Максим Антонович

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СПОРА КАК ОСНОВАНИЕ ОПРЕДЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ САМОЗАНЯТЫХ

Агаркова Владислава Валерьевна,
Студент 5 курса
ЮУрГУ (НИУ),
г. Челябинск, Россия,
Vladislava.agarkova.04@mail.ru
Тюрин Иван Александрович,
Студент 5 курса
ЮУрГУ (НИУ),
г. Челябинск, Россия,
tyurin2004@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения компетентного суда по спорам, возникшим из профессиональной деятельности самозанятых граждан. Проведен анализ действующего законодательства и судебной практики, в которых раскрываются причины, по которым целесообразно относить к компетенции арбитражных судов споры с участием самозанятых, в работе обосновывается предложение о дополнении законодательства.

Ключевые слова: арбитражный суд, компетенция суда, налог на профессиональный доход, профессиональная деятельность, самозанятые, судебная практика, экономический спор.

THE ECONOMIC SUBSTANCE OF A DISPUTE AS A BASIS FOR DETERMINING THE JURISDICTION OF COMMERCIAL COURTS IN CASES INVOLVING SELF-EMPLOYED INDIVIDUALS

Agarkova Vladislava Valeryevna,
Fifth year Student
YuUrGU (NIU),
the city of Chelyabinsk, Russia,
Vladislava.agarkova.04@mail.ru
Tyurin Ivan Alexandrovich,
Fifth year Student
YuUrGU (NIU),
the city of Chelyabinsk, Russia,
tyurin2004@yandex.ru

Abstract: This article examines the issues surrounding the determination of the competent court in disputes arising from the professional activities of self-employed individuals. It analyzes current legislation and judicial practice, identifying the reasons why disputes involving self-employed individuals should fall within the jurisdiction of commercial courts. The article also substantiates a proposal to amend the current legislation.

Keywords: commercial court, court jurisdiction, professional income tax, professional activity, self-employed individuals, judicial practice, economic dispute.

В связи с ростом числа граждан, ведущих самостоятельную профессиональную деятельность, возник вопрос о том, как разграничить компетенцию между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Самозанятые вступают в договорные отношения с юридическими лицами и ИП, выполняют для них работы или оказывают услуги, получая за это доход. При

этом отсутствие у них статуса индивидуального предпринимателя влияет на выбор суда даже в случаях, когда спор непосредственно вытекает из профессиональной деятельности и носит экономический характер.

Согласно ч. 1 ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), арбитражные суды рассматривают экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Ч. 2 ст. 27 АПК РФ предусматривает возможность рассмотрения дел с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, в случаях, установленных АПК РФ и другими федеральными законами [1]. Таким образом, можно говорить о том, что действующее законодательство уже допускает расширение круга дел. Однако для этого требуется наличие специального законодательного основания.

В это же время Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» разрешает физическим лицам применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей [7]. В то же время закон не устанавливает специального правила о рассмотрении арбитражными судами споров, непосредственно связанных с профессиональной деятельностью граждан – самозанятых. Складывается ситуация, при которой возможность получать самостоятельный доход законом предусмотрена. Но при этом процессуальный порядок разрешения споров, которые возникают из такой деятельности, урегулирован явно недостаточно.

В качестве наглядного примера можно привести постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2025 г. №09АП-83316/2024 по делу №А40-78600/2024 [6]. В рассматриваемом судебном акте поднимался спор, который был связан с выполнением гражданином, имеющим статус самозанятого, и не являющимся индивидуальным предпринимателем строительных работ. Из-за отсутствия статуса индивидуального

предпринимателя суд указал, что спор необходимо разрешать в суде общей юрисдикции, при том, что спор носил экономический характер.

Если обратиться к доктрине и материалам судебной практики, можно увидеть, что единого мнения по вопросу компетенции арбитражных судов в спорах с самозанятыми до сих пор нет. А. М. Гребенцов обосновывает необходимость учитывать экономическую природу соответствующих правоотношений и допускает отнесение таких дел к компетенции арбитражных судов [3, с. 29–33]. Д. А. Полуян поддерживает данный подход, обращая при этом внимание на необходимость разграничивать сделки, связанные с профессиональной деятельностью самозанятого, и сделки, совершенные им для личных целей [5, с. 22–26]. Ю. Д. Жукова и А. С. Подмаркова, исследуя судебную практику, указывают на неопределенность правового положения самозанятых и связанные с ней трудности правоприменения [4, с. 168–178].

На наш взгляд, решить эту проблему только за счет толкования уже существующих процессуальных норм не получится. В связи с этим появляется необходимость прямого закрепления соответствующего основания на уровне федерального закона. Это основание должно позволять арбитражным судам принимать к своему рассмотрению споры, которые возникают в рамках профессиональной деятельности самозанятых. Предлагаемый подход дает возможность учитывать не только формальный статус того или иного участника, но и непосредственно содержание правоотношения, из которого произошел спор.

Если говорить о первом аргументе в обоснование нашей позиции, то он касается экономической природы спорного правоотношения. Если обязательство возникло в связи с профессиональным выполнением работ или оказанием услуг за определенное вознаграждение, то предметом такого спора будут выступать вопросы, связанные с исполнением договора, оплатой результата и так далее. Подобные требования по своему содержанию относятся к экономическому обороту. При этом само по себе отсутствие у исполнителя

статуса индивидуального предпринимателя не меняет характер заключенного договора и не влияет на возникшее из него обязательство.

Второй довод, на который мы опираемся, связан с необходимостью обеспечить единообразный подход. Речь идет о рассмотрении однородных экономических споров. Ситуация, когда индивидуальный предприниматель и самозанятый выполняют одинаковые работы для одного и того же заказчика, не является редкостью. Они могут заключать договоры сходного содержания и предъявлять требования, основанные на аналогичных обстоятельствах. Однако в зависимости от статуса исполнителя такие споры могут проходить разные судебные маршруты. Дело с участием индивидуального предпринимателя будет рассмотрено в арбитражном суде. В то же время спор с участием самозанятого без регистрации ИП по общему правилу относится к компетенции суда общей юрисдикции.

Мы полагаем, что такое различие не всегда оправдывается характером самих спорных правоотношений. В случаях, когда предмет требований и применяемые нормы материального права совпадают, рассмотрение дел в разных видах судопроизводства создает риск формирования неодинаковых подходов. В дальнейшем это может поставить перед Верховным Судом Российской Федерации вопрос о необходимости разрешения аналогичных правовых проблем в рамках разных дел. Это касается в том числе и рассмотрения вопросов Президиумом Верховного Суда РФ. Представляется нелогичным, если единообразие подходов к разрешению одинаковых экономических споров будет зависеть от формального статуса их участников. Верховный Суд РФ выполняет важную функцию по обеспечению единообразия судебной практики. При этом последующее устранение возникших расхождений не должно подменять четкое законодательное регулирование компетенции судов. А значит, при определении надлежащего суда следует учитывать не только статус участника, но и непосредственную связь спорного обязательства с профессиональной деятельностью самозанятого.

В качестве заключительного аргумента нашей позиции стоит назвать необходимость снизить неопределенность, которая возникает при выборе надлежащего суда. Отсутствие специальной нормы затрудняет определение компетентного суда в случаях, когда профессиональная деятельность самозанятого по содержанию одинакова с деятельностью индивидуального предпринимателя. Рассматриваемый случай может повлечь дополнительные процессуальные действия, увеличение сроков рассмотрения дела и расходы сторон. При закреплении специального правила участники спора смогут заранее оценить порядок судебной защиты. Это позволит уменьшить вероятность спора о том, в какой суд необходимо обращаться.

Принимая во внимание все изложенные выше аргументы, считаем необходимым дополнить Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"». Данное дополнение должно предусматривать норму, которая закрепляла бы рассмотрение арбитражными судами экономических споров. Речь идет о спорах, которые возникли из профессиональной деятельности самозанятых. Предлагаем следующий вариант законодательного закрепления:

«Статья 2.1. Рассмотрение споров с участием физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей

Экономические споры физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, подлежат рассмотрению арбитражными судами, если такие споры непосредственно связаны с осуществлением ими профессиональной деятельности и получением дохода от неё».

Предложенная норма приводит в действие механизм ч. 2 ст. 27 АПК РФ. Суть его в следующем: случаи, когда арбитражные суды рассматривают дела с

участием граждан без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, может устанавливать федеральный закон [1]. Отсюда практический вывод — переписывать АПК РФ ради самого исключения не нужно. Достаточно, чтобы основание было предусмотрено специальным федеральным законом.

Подведем итог. Почему такие споры логично относить к арбитражной юрисдикции? Причин три: экономическая природа самого обязательства, потребность в единообразии при разрешении однотипных дел и необходимость убрать неопределенность с выбором надлежащего суда. Мы убеждены, что формальный статус лица не может служить главным критерием, если речь идет о сути самого экономического спора. Если закрепить специальную норму в Федеральном законе № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», это позволит задействовать положение ст. 27 АПК РФ и обеспечит более последовательный подход к разбору экономических споров, вытекающих из профессиональной деятельности самозанятых.

Библиографический список использованных источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - №30. – Ст. 3012.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гребенуов А. М., Подсудность дел с участием самозанятых // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. - №10. – С. 29-33.

4. Жукова Ю. Д., Подмарева А. С. Неопределённость правового статуса самозанятых. Обзор судебной практики /// Закон. – 2022. - №12. – С.168-178.

5. Полуян Д. А., О подведомственности споров с участием самозанятых // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. - №1. – С. 22-26.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2025 №09АП-83316/2024 по делу №А40-78600/2024.
7. Федеральный закон от 27.11.2018 №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Российская газета №270 от 30.11.2018 г.
8. Шапсугова М. Д. Проблемы подведомственности и подсудности споров с участием самозанятого как особого субъекта экономической деятельности с неопределенным правовым статусом // Юридические исследования. 2021., №2. С. 9-23.

УДК 347.9

ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Крохалева-Лялина Екатерина Вячеславовна,
студент 5 курса
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»,
г. Челябинск, Россия,
ekrohalevalalina@gmail.com
Дегтярев Михаил Аркадьевич,
студент 5 курса
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»,
г. Челябинск, Россия,
mixa13102004@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы о пределах использования технологий искусственного интеллекта в арбитражном процессе. Анализируются положения Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации. Обосновывается необходимость установления единых требований к использованию вышеуказанных технологий.

Ключевые слова: алгоритмические системы, арбитражный процесс, Верховный Суд РФ, искусственный интеллект, оценка доказательств, правовое регулирование, судья.

THE LIMITS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ARBITRATION PROCESS

Krokhaleva-Lyalina Ekaterina Vyacheslavovna,
fifth year student
FGAOU VO «YUURGU (NIU)»,
the city of Chelyabinsk, Russia,
ekrohalevalalina@gmail.com
Degtyarev Mikhail Arkadyevich,
fifth year student
FGAOU VO «YUURGU (NIU)»,
the city of Chelyabinsk, Russia,
mixa13102004@gmail.com

Abstract: the article examines the issues related to the limits of using artificial intelligence technologies in arbitration proceedings. The provisions of the Concept for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies into the Judicial Proceedings of the Russian Federation are analyzed. The necessity of establishing uniform requirements for the use of the aforementioned technologies is substantiated.
Keywords: algorithmic systems, arbitration process, artificial intelligence, assessment of evidence, judge, legal regulation, Supreme Court of the Russian Federation.

Цифровизация, а в особенности интеграция технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельность арбитражных судов уже давно перестала быть только теоретическим аспектом и активно проявляется и на практике. Применение ИИ затрагивает работу с материалами дел, анализом предоставленных доказательств и стадию формирования судебного решения. При этом окончательно сформированного мнения касаемо положительных или отрицательных аспектов использования подобных технологий в судебной деятельности еще не сформировано. На наш взгляд, особое внимание стоит уделить именно правовому регулированию процесса передачи действий

искусственному интеллекту, а также значению этих действий для результата рассмотрения спора [1, с. 62].

Утверждение Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации приказом Председателя Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П придала особую актуальность данному вопросу. Документ описывает использование вышеуказанных технологий на различных этапах судопроизводства, вместе с тем указывая на необходимость самостоятельной работы судьи и его ключевую роль в принятии решения. И все же, признание технологий ИИ в качестве содействующего субъекта не позволяет определить все пределы его применения.

Следует отметить, что основная проблема связана с разграничением информационной обработки сведений, содержащихся в деле и самостоятельной интеллектуальной деятельности судьи. Указанная дифференциация должна выступать основополагающим критерием при формировании процессуальных норм и порядка применения ИИ.

Изучение и оценка значительного объема правового материала охватывает все стадии арбитражного процесса. Их аналитика характеризуется высокой трудоемкостью и требует от судьи особой внимательности и сосредоточенности. Время, затраченное на эту деятельность, могло бы быть использовано для более полного и всестороннего разрешения спорного правоотношения. Вследствие изложенного, применение технологий ИИ в целях поиска релевантных сведений, проверки соответствия реквизитов документов, выявления возможных несоответствий и подбора нормативной базы отвечает требованиям целесообразности.

Однако представляется необоснованным приравнивать выявление противоречий доказательственных сведений и их оценку с правовой точки зрения. В рамках арбитражного процесса алгоритмическая система способна обеспечивать выявление формальных несоответствий в документах, представленных сторонами, включая несовпадение дат исполнения

обязательств, ошибки в указании инициалов и иные технические неточности. Вместе с тем, определение допустимости, достоверности и относимости доказательств, равно как и установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора, составляет самостоятельную сферу процессуальной деятельности суда.

Предлагаемая модель не противоречит установленным законодательством процессуальным требованиям, в частности статье 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [2]. Таким образом, система искусственного интеллекта может указывать судье на аспекты, требующие его внимания, но не должна содержать в своем анализе окончательных выводов.

Предметного рассмотрения требует использование ИИ при подготовке судебных актов. Представляется, что подготовка описательной части судебного решения вполне может передаваться искусственному интеллекту с последующей проверкой судьей, так как предполагает изложение требований истца, возражений ответчика и иных сведений. Указанная операция позволяет сэкономить время, но при этом не передавать алгоритму полномочия по разрешению спора. Иначе следует подходить к мотивировочной части акта, так как именно в ней сконцентрированы выводы суда, мотивировка его решения нормами законодательства, - эта работа должна оставаться исключительно за судьей, в целях исключения влияния предлагаемой системой ИИ правовой позиции на решение суда. [3, с. 251]

Важным фактором в разрешении вопроса о пределах использования ИИ является подготовительная работа к судебному заседанию не только суда, но также и сторон, - а именно подбор судебной практики. Генеративные технологии способны выдавать ссылки на акты, которые в действительности не существуют. Если суд ссылается на такую судебную практику – ставится вопрос о

правильности правового обоснования судебного решения. При этом важным является сам факт использования несуществующей судебной практики, вне зависимости от того, был ли использован искусственный интеллект или ошибка допущена судьей самостоятельно. [6, с. 778]

Пункт 5 Концепции 2026 года закрепляет принципы внедрения соответствующих технологий, а приложение № 3 предусматривает меры предупреждения рисков, связанных в том числе с нарушением права на справедливое судебное разбирательство [5]. Среди таких мер указаны: право стороны знать о применении искусственного интеллекта и возможность оспаривания его выводов. Действующее регулирование не предусматривает обязательного уведомления суда и сторон о применении алгоритмов ИИ, однако, видится необходимым закрепить обязанность установления факта использования данных технологий всеми участниками судопроизводства.

Проведенный анализ позволяет рассматривать Концепцию Верховного Суда РФ 2026 года в качестве концептуальной базы для последующего развития правовых механизмов использования искусственного интеллекта в арбитражном и иных видах судопроизводства. Установление пределов допустимого использования предполагает регламентацию процессуальных прав и обязанностей сторон при использовании алгоритмических инструментов, закрепление соответствующей ответственности за нарушение установленных требований. Главная граница должна проходить между обработкой информации и её самостоятельной правовой оценкой судом. Искусственный интеллект способен оптимизировать работу аппарата суда и самих судей: облегчить поиск необходимых материалов и подготовку отдельных частей судебных актов. Наряду с этим, любая оценка доказательств, формирование мотивировочной части и принятие итогового решения по делу должно оставаться в исключительных полномочиях суда. Именно такой подход внедрения новых технологий в судебную деятельность будет способствовать повышению эффективности, не изменяя сущности и значения правосудия.

Библиографический список использованных источников

1. Алферов А.В., Кирьянова В.М. Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминизмом // Журнал «Вестник науки» от 28 декабря 2025 г. № 12 (93) том 4 ч. 2. С. 61 - 72. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/27905 (дата обращения: 15.10.2026 г.)

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.

3. Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник КГУ. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-arbitrazhnyh-sudov-rf-perspektivnye-napravleniya-i-problemy (дата обращения: 15.10.2026).

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изм. от 14 марта 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: [10.10.2026]).

5. Приказ Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» [Текст] // ГАРАНТ.РУ: справочно-правовая система. — URL: garant.ru (дата обращения: [8.10.2026]).

6. Тренькина Э.В., Попова М.П. Искусственный интеллект в арбитражном процессе: перспективы внедрения и процессуальные риски // Журнал «Вестник науки» от 18 января 2026 г. № 1 (94) том 3. С. 775 - 780. 2026 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/28215 (дата обращения: 15.10.2026 г.)

БАНКОВСКОЕ ПРАВО

УДК 34

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИНАНСАХ

Цылева Юлия Владимировна,
студентка 4 курса,
Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Киров, Россия,
awyulili@gmail.com

Аннотация: Данное исследование посвящено роли искусственного интеллекта в финансовом секторе, прежде всего – использованию нейросетей в банковской сфере. В условиях быстрой трансформации финансовой индустрии ИИ всё чаще выступает инструментом, с помощью которого банки повышают эффективность, точность и надёжность операций и прогнозов.

Ключевые слова: автоматизация процессов, банковский сектор, инвестирование, искусственный интеллект, использование искусственного интеллекта в финансах, обнаружение мошенничества, нейросети, перспективы развития, правовые аспекты и этика, прогнозирование финансовых показателей, риски и инвестирование, статистика использования искусственного интеллекта, финансовая сфера.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FINANCE

Tsyleva Yulia Vladimirovna,
4th year student,

Volga-Vyatka Institute (branch)
Kutafin University (MSAL),
Kirov, Russia,
awyulili@gmail.com

Abstract: This study is devoted to the role of artificial intelligence in the financial sector, primarily the use of neural networks in the banking sector. In the context of the rapid transformation of the financial industry, AI is increasingly acting as a tool by which banks increase the efficiency, accuracy and reliability of operations and forecasts.

Keywords: process automation, banking sector, investment, artificial intelligence, use of artificial intelligence in finance, fraud detection, neural networks, development prospects, legal aspects and ethics, forecasting financial indicators, risks and investment, statistics on the use of artificial intelligence, financial sector.

Искусственный интеллект представляет собой область компьютерных наук, направленную на создание систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальной деятельности. К таким задачам относятся обработка информации, обучение, принятие решений и решение проблем, которые ранее считались исключительно прерогативой человека [5].

ИИ находит широкое применение в финансовой сфере: он используется для автоматизации процессов, анализа данных и принятия решений. Это позволяет финансовым институтам и компаниям сокращать издержки и повышать эффективность операций. Кроме того, нейронные сети играют важную роль в прогнозировании кредитоспособности, помогая банкам принимать более обоснованные решения о выдаче кредитов. Однако применение ИИ в финансах сопряжено с определёнными проблемами и вызовами. Одна из ключевых проблем — недостаток и низкое качество данных, что может приводить к ошибочным выводам и решениям. Помимо этого, возникают этические вопросы,

связанные с использованием ИИ, такие как прозрачность и ответственность за принимаемые решения [5, 6].

Несмотря на указанные проблемы, применение ИИ в финансах обладает значительным потенциалом развития. В будущем ожидается более широкое использование нейросетей и других методов машинного обучения для прогнозирования рисков, принятия инвестиционных решений и автоматизации банковских процессов. Важным направлением развития является также повышение качества данных, что должно обеспечить более точные и надёжные результаты.

Нейросети выступают одним из основных инструментов ИИ, имитирующих работу человеческого мозга и способных обрабатывать большие объёмы информации. Они состоят из множества искусственных нейронов, соединённых между собой и способных передавать и обрабатывать сигналы.
Нейросети нашли применение во многих аспектах банковской деятельности. Они используются для автоматизации таких процессов, как обработка платежей, кредитный скоринг и выявление мошенничества. Нейросети также применяются для анализа финансовых данных, прогнозирования рыночных трендов и оптимизации инвестиционных портфелей [3].

Использование нейросетей в финансовых операциях даёт ряд преимуществ. Они способны обрабатывать большие объёмы данных и выявлять сложные закономерности, что позволяет получать более точные прогнозы и принимать более обоснованные решения. Однако существуют и риски, связанные с использованием нейросетей, — в частности, недостаточная объективность и прозрачность принимаемых решений, а также возможность возникновения ошибок из-за некачественных или неполных данных [5, 6].

В финансовой сфере автоматизация процессов и обнаружение мошенничества стали ключевыми направлениями, требующими применения возможностей ИИ. Одним из процессов, успешно автоматизированных с помощью нейросетей, является обслуживание клиентов. С помощью алгоритмов

машинного обучения нейросети могут анализировать данные клиентов и предоставлять персонализированные предложения и рекомендации. Значительное внимание уделяется также автоматизации обработки транзакций. Нейросети способны быстро и точно классифицировать транзакции, выявлять потенциальные мошеннические операции и принимать решения о блокировке или разрешении их совершения. Это позволяет банкам существенно сократить время обработки транзакций и снизить риски финансового мошенничества. Эффективность и точность нейросетей в автоматизации банковских процессов не вызывают сомнений. Благодаря их использованию банки могут значительно снизить затраты на ручную обработку данных, сократить время выполнения операций и улучшить качество обслуживания клиентов [1, 2].

Для обнаружения мошенничества нейронные сети обладают уникальной способностью анализировать огромные объёмы данных, исследовать взаимосвязи и быстро распознавать аномалии. Эта способность становится настоящей защитой от мошенничества. Благодаря использованию ИИ в финансовом секторе становится возможным более точный анализ финансовых операций и выявление потенциально мошеннической деятельности. Нейронные сети позволяют автоматически отслеживать подозрительные ситуации и предотвращать мошенничество, что существенно снижает риски для финансовых учреждений и клиентов. Внедрение ИИ в финансовый сектор является важным элементом борьбы с мошенничеством и повышения безопасности в финансовой сфере.

ИИ стал важной технологией в сфере финансов, однако требует учёта юридических и этических аспектов. Нормативно-правовая база должна соответствовать требованиям и регламентам. Защита конфиденциальности данных также важна из-за большого объёма персональных данных, используемых в ИИ. Разработка эффективных систем безопасности является неотъемлемой частью использования ИИ в финансах. Внедрение ИИ может иметь этические риски, поэтому необходимо учитывать справедливость и

предотвращать нежелательные последствия. Разработка этических стандартов и правил поможет решить эти проблемы. Использование ИИ в финансовой индустрии требует строгого соблюдения нормативно-правовой базы, защиты данных и разработки этических стандартов для обеспечения безопасной и этичной практики.

Развитие и применение ИИ в России имеет долгую историю, начиная с конца 1940-х годов, когда в Советском Союзе были созданы первые искусственные нейронные сети. В 1950-х годах в Московском институте механики и математики была начата работа над советской искусственной нейронной сетью, которая в дальнейшем стала основой для развития исследований в области ИИ [4].

В 1960–1980-х годах в Советском Союзе были созданы специализированные центры и лаборатории, занимающиеся исследованиями в области ИИ. Однако в связи с политическими и экономическими проблемами развитие ИИ в России замедлилось в 1990-х годах.

С начала 2000-х годов наблюдается рост интереса к искусственному интеллекту в России. Открытие центров искусственного интеллекта и развитие академических исследований в этой области значительно усилили развитие ИИ в российской экономике [4, 3].

Одной из главных отраслей, где наблюдается значительный рост использования ИИ, является финансовая сфера. В России множество компаний начали активно применять ИИ для анализа данных, автоматизации процессов и принятия решений в финансах [5, 3].

Анализ больших данных с помощью ИИ имеет огромное значение для финансовой сферы. ИИ позволяет эффективно обрабатывать огромные объёмы данных, выявлять скрытые закономерности и тренды, а также автоматизировать рутинные банковские операции.

В банковском секторе России ИИ применяется для автоматизации процессов, улучшения качества обслуживания клиентов и оптимизации рисков.

Например, банки используют ИИ для снижения стоимости обработки документов, автоматического анализа кредитных заявок и предсказания дефолтов. Это позволяет банкам экономить время и ресурсы, а также снижать риски, связанные с недобросовестными заёмщиками.

ИИ широко используется в финансовой сфере для прогнозирования рисков и принятия инвестиционных решений. Анализ данных и моделирование статистических связей стало возможным благодаря развитию ИИ и машинного обучения.

В заключение можно суммировать основные результаты и выводы, полученные в ходе исследования роли ИИ в сфере финансов с фокусом на использование нейросетей банками.

В результате исследования были выявлены значительные преимущества использования нейросетей в финансовой отрасли, такие как повышение эффективности, точности и надёжности финансовых операций и прогнозов. Нейросети позволяют создавать более точные прогностические модели, автоматизировать рутинные процессы и улучшить операционные процедуры. Применение ИИ также способствует укреплению конкурентных позиций банков. Однако использование нейросетей в финансовой отрасли имеет свои вызовы. Важно обеспечить надёжность и безопасность систем, а также обучить персонал работе с ИИ. Кроме того, необходимо учитывать этические и правовые аспекты, связанные с использованием данных клиентов и принятием автоматических решений.

В целом исследование подтверждает, что использование нейросетей и искусственного интеллекта в сфере финансов имеет большой потенциал для улучшения работы банков и прогнозирования финансовых рынков. Дальнейшие исследования и разработки в этой области могут привести к ещё более прогрессивным и инновационным решениям, способствующим развитию финансовой отрасли.

Библиографический список использованных источников

1. История информационных технологий в СССР. Знаменитые проекты: компьютеры, связь, микроэлектроника. – М.: «Книма» (ИП Бреге Е. В.) – 416 с.
2. Козырь Н.С. Аспекты идентификации объектов критической информационной инфраструктуры РФ / Н. С. Козырь, А. В. Бирбасова // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – С. 163-172.
3. Козырь Н.С. Гуманитарные аспекты информационной безопасности: Учебное пособие для вузов / Н.С. Козырь, Н.В. Седых. – Москва: Юрайт, 2023. – 170 с.
4. Седых Н.В. Проблемы и перспективы развития технологии искусственного интеллекта / Н.В. Седых, И.П. Фоканов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – № 44(6). – С. 266-267.
5. Седых Н.В. Развитие экосистем как тренд трансформации банковского бизнеса / Н.В. Седых, П.А. Маркин // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 1(45). – С. 351-353.
6. Шелудько Е.Б. Роль человеческого капитала в формировании цифровой экономики / Е.Б. Шелудько, И. И. Романец, А. А. Назаренко // Актуальные аспекты институциональной экономики: эволюция взглядов и геополитические вызовы: Материалы III международной научно-практической конференции, Краснодар, 05 декабря 2019 года. – Краснодар: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ - филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2019. – С. 433-437.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ОБЯЗАННОСТИ ДИРЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (США, ЕС, РОССИЯ)

Харламова Юлия Сергеевна,
студентка 5 курса
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
yuskharlamova_1@edu.hse.ru

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу влияния санкционных режимов на фидуциарные обязанности директоров в США, ЕС и России. Обосновывается тезис о включении санкционного комплаенса в содержание обязанности действовать разумно; выделяются три модели ответственности директоров.

Ключевые слова: доктрина делового суждения, директор, комплаенс, личная ответственность, санкции, субсидиарная ответственность, фидуциарные обязанности, экономические санкции.

DIRECTOR'S DUTIES IN TIMES OF ECONOMIC SANCTIONS: A COMPARATIVE VIEW (USA, EU, RUSSIA)

Kharlamova Iuliia Sergeevna,
fifth year student
HSE University,
Moscow, Russia,

yuskharlamova_1@edu.hse.ru

Abstract: The article provides a comparative analysis of the impact of sanctions regimes on the fiduciary duties of directors in the USA, the EU, and Russia. It substantiates the thesis that sanctions compliance forms part of the content of the duty of care and identifies three models of director liability.

Keywords: business judgment rule, compliance, director, economic sanctions, fiduciary duties, personal liability, subsidiary liability, sanctions.

Экономические санкции традиционно рассматриваются как инструмент публичного права, однако их воздействие на частноправовые отношения, прежде всего на корпоративное управление, становится все более ощутимым. Для директора современной компании санкционный режим перестает быть внешним политическим риском и превращается в фактор, непосредственно определяющий содержание его фидуциарных обязанностей. Настоящая статья представляет собой сравнительный анализ того, как право Соединенных Штатов Америки, Европейского союза и России конструирует обязанности директора в санкционном контексте.

Соединенные Штаты Америки: административное принуждение и гражданско-правовой риск. Американская модель характеризуется наиболее высоким уровнем административного давления на компании, однако персональная гражданско-правовая ответственность директора за нарушение фидуциарных обязанностей в санкционном контексте реализуется через иной механизм. Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) применяет режим строгой ответственности: для наложения гражданского штрафа на компанию не требуется установления знания директора о противоправности сделки. Правовым основанием служит Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA), предусматривающий гражданский штраф в размере либо фиксированной суммы,

либо двукратной стоимости транзакции (50 U.S.C. § 1705(b)) [7]. Умышленные нарушения влекут уголовную ответственность вплоть до двадцати лет лишения свободы (50 U.S.C. § 1705(c)) [7].

Принципиальное значение для настоящего исследования имеет то, как санкционное нарушение компании транслируется в гражданско-правовой иск к директорам. Показательным примером является дело JPMorgan Chase Bank (2011 г.). В августе 2011 года банк согласился выплатить OFAC 88,3 млн долларов за нарушения санкционных программ в отношении Кубы, Ирана и Судана, причем регулятор квалифицировал ряд нарушений как «вопиющие» (egregious), отметив, что менеджмент действовал «осознанно и с пренебрежением» [9]. В сентябре 2011 года Louisiana Municipal Police Employees Retirement System подал в Южный округ Нью-Йорка производный иск против JPMorgan Chase Bank и одиннадцати его должностных лиц и директоров, требуя личного возмещения суммы штрафа, а также убытков, вызванных бездействием руководства [6][8]. Истцы утверждали, что совет директоров, будучи неоднократно уведомленным о нарушениях, «полностью не смог осуществить надлежащий контроль» за банком и, следовательно, несет существенную вероятность ответственности.

Иск был основан на доктрине Caremark: для привлечения директоров к ответственности за нарушение обязанности надзора необходимо доказать, что они «полностью не смогли создать какую-либо систему отчетности или контроля» либо, создав систему, «сознательно уклонились от мониторинга» [6]. Суд отклонил требования истцов, указав, что простой «неадекватности» системы комплаенса недостаточно для преодоления доктрины делового суждения (business judgement rule). Тем не менее этот кейс демонстрирует принципиально важный механизм: санкционное нарушение компании создает для директора реальный риск стать персональным ответчиком в гражданском процессе, даже если этот риск реализуется не всегда. Именно в этом смысле можно говорить о трансформации санкционного комплаенса в элемент обязанности заботы:

директор, не выстроивший эффективную систему скрининга, подвергает себя угрозе производного иска, хотя порог для победы истца остается высоким.

Европейский союз: движение к криминализации. Европейская модель длительное время характеризовалась децентрализацией правоприменения: на уровне ЕС отсутствовал единый орган, аналогичный OFAC, а ответственность за нарушение санкционных режимов устанавливалась преимущественно на национальном уровне. Ситуация существенно изменилась с принятием Директивы (ЕС) 2024/1226 от 24 апреля 2024 года, установившей минимальные стандарты определения уголовных правонарушений и наказаний за нарушение ограничительных мер Союза [5].

Директива предусматривает, что умышленное нарушение санкций должно наказываться лишением свободы, причем за отдельные категории правонарушений максимальный срок лишения свободы составляет не менее 5 лет. Для юридических лиц установлены максимальные штрафы в размере не менее 5% мирового оборота или 40 миллионов евро [5]. Хотя Директива прямо не адресована директорам как физическим лицам, ее имплементация в национальное законодательство государств-членов влечет усиление персональной ответственности членов исполнительных органов.

Показательна в этом отношении Германия, где имплементация Директивы была осуществлена путем существенной реформы Закона о внешней экономике (Außenwirtschaftsgesetz, AWG). Изменения вступили в силу 6 февраля 2026 года [10]. Ряд деяний, ранее квалифицировавшихся лишь как административные правонарушения, переведен в категорию уголовных преступлений. В частности, § 18 Abs. 1 AWG дополнен новыми составами, охватывающими нарушения секторальных транзакционных запретов, публичных закупок, а также умышленное сокрытие активов в целях обхода санкций [10]. Особое значение имеет новый § 18 Abs. 6a AWG, устанавливающий квалифицированный состав для особо тяжких случаев обхода санкций с минимальным наказанием в виде 6 месяцев лишения свободы [10]. Максимальный размер штрафа для юридических

лиц повышен до 40 миллионов евро [10]. Для директора это означает, что ненадлежащая организация санкционного комплаенса может повлечь не только административную, но и уголовную ответственность.

Российская Федерация: парадокс конфликтующих обязанностей и субсидиарная ответственность. Российское правовое регулирование обязанностей директора базируется на общих нормах Гражданского кодекса Российской Федерации: согласно пункту 3 статьи 53 ГК РФ, лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, должно действовать в интересах представляемого лица добросовестно и разумно [1]. Как отмечается в доктрине, фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве формируются под заметным влиянием германской, британской и американской правовых традиций [2, с. 7-8]. Однако применительно к санкционному контексту российская модель обнаруживает принципиальную особенность, которую можно охарактеризовать как парадокс конфликтующих обязанностей.

С одной стороны, директор российской компании, имеющей внешнеэкономические связи, обязан учитывать риск вторичных санкций со стороны США и ЕС. С другой стороны, он действует в условиях российского контрсанкционного регулирования, которое может предписывать или поощрять поведение, прямо противоположное ожиданиям западных регуляторов.

Судебная практика по санкционным спорам с участием директоров в России пока не сформирована. Вместе с тем общие подходы к оценке разумности и добросовестности директора, закрепленные в Обзоре Практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом ВС РФ 30.07.2025), создают основу для будущих споров: суды оценивают, соответствовали ли действия директора обычному предпринимательскому риску и интересам компании [3].

Существенным элементом российской модели является механизм субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых

вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» закрепляет критерии недобросовестности и неразумности действий контролирующего лица. В редакции от 23.12.2025 Постановление дополнено разъяснениями о том, что для привлечения к ответственности членов коллегиального органа необходимо устанавливать факт участия каждого конкретного ответчика в причинении вреда имущественным интересам кредиторов [4]. В санкционном контексте это означает, что директор, принимавший решение об отказе от сделки или, напротив, о ее совершении под давлением санкционных ограничений, может столкнуться с необходимостью доказывать разумность и добросовестность своего поведения в рамках процедуры банкротства.

Ключевое отличие от американской и европейской моделей состоит в отсутствии так называемой «безопасной гавани» (safe harbour) для директора, добросовестно следующего санкционным ограничениям: российское право не предоставляет ему защиты от ответственности перед компанией или акционерами в случае, если отказ от сделки, обусловленный санкционным комплаенсом, будет признан необоснованным.

Проведенный анализ позволяет выделить три модели регулирования обязанностей директора в санкционном контексте. Американская модель характеризуется доминированием административного принуждения OFAC при одновременном сохранении гражданско-правового механизма производных исков, который, однако, сопряжен с высоким порогом доказывания (доктрина Caremark). Европейская модель движется в сторону американской по уровню строгости, что выражается в переходе от децентрализованного административного правоприменения к гармонизированной криминализации на уровне Союза; национальные имплементационные акты (на примере Германии) непосредственно криминализируют нарушения санкционного законодательства, создавая реальный риск уголовной ответственности для директора. Российская модель представляет собой уникальный случай конфликтующих обязанностей:

директор оказывается между требованиями западных санкционных режимов и российского контрсанкционного регулирования, не располагая легальной возможностью освободиться от ответственности посредством добросовестного комплаенса, а механизм субсидиарной ответственности создает дополнительный уровень персонального риска.

Общим для всех трех юрисдикций является то, что санкционный комплаенс вышел за рамки вспомогательной функции корпоративного управления и превратился в фактор, определяющий содержание фидуциарных обязанностей директора.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. – М.: Статут, 2017. – 160 с.

3. Обзор судебной практики по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 11.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. – 2017. – 29 декабря.

5. Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1226.

6. Fried, Frank, Harris, Shriver & Jacobson LLP. Officers and Directors of JPMorgan Chase Bank, N.A., Sued by State Pension Plan to Repay $88.3 Million OFAC Penalty. – September 23, 2011. – URL: http://www.friedfrank.com/siteFiles/Publications/9-23-

2011%20-%20TOC%20Memo%20-%20Officers%20and%20Directors%20of%20JPMorgan%20Chase%20Bank,%20N.A.,%20Sued%20by%20State%20Pension%20Plan.pdf (дата обращения: 27.10.2026).

7. International Emergency Economic Powers Act, 50 U.S.C. §§ 1701–1706.

8. Lexology. Officers and directors of JPMorgan Chase Bank, N.A., sued by state pension plan to repay $88.3 million OFAC penalty. – September 23, 2011. - URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=07f94d12-dcd0-4643-825c-070f08132131 (дата обращения: 27.10.2026).

9. Office of Foreign Assets Control. Release of Civil Penalties Information – JPMorgan Chase Bank, N.A. Settlement. – August 25, 2011. – URL: https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20110825 (дата обращения: 27.10.2026).

10. Gesetz zur Anpassung von Straftatbeständen und Sanktionen bei Verstößen gegen restriktive Maßnahmen der Europäischen Union vom 3. Februar 2026 // Bundesgesetzblatt. – 2026. – Teil I Nr. 27.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

УДК 34

РОЛЬ ФССП В РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нагиев Руслан Сохбатович,
соискатель уч. степени к.ю.н.,
Тюменский государственный университет,
г. Сургут, Россия,
nagiev.r@mail.ru
Фахретдинов Богдан Русланович,
студент магистратуры 1 курса,
Сургутский Государственный Университет,
г. Сургут, Россия,
Bogdan22092004@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль Федеральной службы судебных приставов (ФССП РФ) в реализации административного принуждения в условиях развития цифровых технологий. Анализируется эффективность деятельности ФССП РФ по исполнению постановлений об административных правонарушениях, особое внимание уделяется процессу цифровизации исполнения постановлений об административных правонарушениях. Исследуются современные цифровые инструменты, используемые в работе ФССП РФ, включая электронные сервисы, а также межведомственное взаимодействие.

Ключевые слова: административная юрисдикция, административные правонарушения, межведомственное взаимодействие, Федеральная служба судебных приставов РФ, цифровые технологии, электронный документооборот.

THE ROLE OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE IN IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE COERCION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Nagiyev Ruslan Sokhbatovich,
Candidate of Law,
Tyumen State University,
Surgut, Russia,
nagiev.r@mail.ru
Fakhretdinov Bogdan Ruslanovich,
Master's student, 1 course,
Surgut State University,
Surgut, Russia,
Bogdan22092004@mail.ru

Abstract: The article examines the role of the Federal Bailiff Service (FSSP) in implementing administrative coercion in the context of the development of digital technologies. The effectiveness of the FSSP's activities in enforcing orders related to administrative offenses is analysed, with particular attention paid to the digitalisation of enforcement proceedings. The modern digital tools used in the service's work, including electronic services and interdepartmental interaction, are examined.

Keywords: administrative jurisdiction, administrative offenses, interdepartmental cooperation, Federal Bailiff Service, digital technologies, electronic document management.

Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях является самостоятельным институтом в административно-юрисдикционном производстве, а его реализацией занимаются полномочные органы административной юрисдикции. Данную позицию поддерживает И.В. Панова.

В теории административного права к институту исполнения постановлений отношение разное. Одни учёные рассматривают его как самостоятельной частью (видом) административного процесса, другие – этапом административно-юрисдикционного процесса.

Одним из субъектов реализации исполнения постановлений, в соответствии с главой 32 КоАП РФ, является федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (ФССП РФ). Данная служба, являясь структурным подразделением министерства Юстиции, исполняет как судебные акты, так и акты других органов власти, уполномоченных принимать самостоятельно юрисдикционные решения.

Подтверждением активной работы Федеральной службы судебных приставов является информация по запросу «Коммерсантъ» о количестве исполнительных производств, возбужденных по материалам из органов ГИБДД в отношении водителей, не уплативших штрафы за нарушение Правил дорожного движения [3]. За семь месяцев 2025 года было возбуждено 8,2 млн таких производств [2].

Данная статистика позволяет понять, что в настоящее время, во-первых, растёт число возбуждённых дел данной категории по административному производству, во-вторых, в связи ростом исполнительных производств снижается количество не исполненных судебных решений (актов иных органов власти), что безусловно отражает положительную сторону превентивной функции этих, по своей сути, административных органов.

Также ФССП РФ ведёт учёт исполненных постановлений по делам об административных правонарушениях. На примере дел по взысканию штрафов за

нарушение правил дорожного движения, согласно данным главы ФССП РФ Дмитрия Аристова: «Количество исполнительных производств, по которым требования исполнены полностью или частично, превысило 20 млн, взыскано почти 15 млрд руб. Исполняемость административных штрафов по данным ГАИ МВД РФ составила 74,3 %» [1]. (сайт). Данная статистика демонстрирует высокую эффективность органов ФССП РФ в сфере исполнения административных наказаний, однако для целей дальнейшего совершенствования её деятельности в этом направлении необходимо, на наш взгляд, выделить проблемы в реализации их компетенции, в том числе в условиях цифровизации.

Правовой статус судебного пристава-исполнителя урегулирован федеральным законом № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения». Данные органы являются очень важным звеном в реализации исполнения судебных актов.

В деятельности ФССП РФ приходится сталкиваться с судебными актами разных судопроизводств, поэтому она регулируется как гражданско-процессуальным правом, так и административным юрисдикционно-процессуальным, а также налоговым, таможенным и другими видами административно-юрисдикционных производств.

Основными задачами ФССП являются:

- обеспечение порядка и законности деятельности Конституционного Суда РФ;

- обеспечение порядка и законности деятельности Верховного Суда РФ;

- обеспечение порядка и законности деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов и др.

В условиях цифровизации исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях приобретает новые формы и методы, значительно повышающие эффективность и прозрачность административного процесса. Современные информационные технологии позволяют

автоматизировать юрисдикционные административные процедуры, связанные с взысканием штрафов и контролем за исполнением административных санкций. Использование электронных систем, таких как порталы государственных услуг и мобильные приложения, упрощает доступ граждан к информации о наложении штрафов и возможностях их оплаты. Кроме того, внедрение электронного документооборота сокращает время обработки административных дел и минимизирует вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором.

Цифровизация также способствует более эффективному взаимодействию между различными государственными органами, что позволяет ускорить процесс исполнения постановлений и повысить уровень правопорядка в административно-юрисдикционной сфере деятельности судебных приставов-исполнителей.

Говоря о деятельности ФССП РФ в сфере исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, на наш взгляд, следует обратить внимание на мнение Д. Литвинова о том, что КоАП РФ остается на сегодняшний день единственным кодексом, в котором отсутствуют нормы, допускающие использование цифровых технологий при принятии судами дел об административных правонарушениях, что наглядно отражает неразвитость административно-процессуального законодательства [4].

Тем не менее, следует отметить, что цифровые технологии в административно-юрисдикционное исполнительное производство постепенно внедряются. Так, например, в 2024 году в ст. 26.7 КоАП РФ была закреплена возможность подавать процессуальные документы электронным способом.

Благодаря созданию и введению цифровых сервисов в исполнительное производство можно будет ускорить весь процесс прохождения рассмотрения административных дел, обеспечить связь с судебными приставами и должниками, а также погашать задолженности ещё до начала исполнительного производства.

Среди причин, побуждающих создание цифрового сервиса в сфере исполнительного производства, активного внедрения цифровых технологий процессуального рассмотрения административных дел является рост числа обращений в ФССП РФ, в том числе вызванный развитием информационных технологий по предоставлению государственных услуг. При этом, следует отметить и рост правонарушений в сфере цифровой экономики. Новые информационные технологии, как показывает формирующаяся юрисдикционная практика последних лет, позволяют с этим успешно справиться, существенно облегчая и ускоряя процесс рассмотрения административно-юрисдикционных дел, сокращая время связи с участниками процесса.

В 2020 г. произошли значительные изменения в работе сайта ФССП [7], добавилась вкладка о банке исполнительных производств, что позволило должникам получать информацию о возбуждённых в отношении них производствах, задолженностях и иной информации.

Данный сервис включает в себя: [5]

- учет сведений (документов), получаемых ФССП в ходе деятельности, связанной с принудительным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

- учет документов, формируемых ФССП в ходе деятельности, связанной с принудительным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

- хранение электронных документов, получаемых ФССП в ходе деятельности, связанной с принудительным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

- хранение юридически значимых документов, вынесенных ФССП, в виде электронного документа;

- обеспечение работников ФССП необходимыми для принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

- обеспечение органов государственной власти, имеющих необходимые полномочия, сведениями из банка данных;

- обеспечение сторон исполнительного производства актуальной информацией о ходе исполнительного производства;

- разграничение доступа к информации ограниченного распространения, содержащейся в банке данных;

- обеспечение прав граждан на доступ к информации о деятельности ФССП;

- обеспечение информационной безопасности банка данных.

Из анализа задач рассматриваемого сервиса следует, что он мнофункционален и позволяет существенно автоматизировать работу судебных приставов-исполнителей.

Цифровые технологии также предоставляют должникам через официальный сайт Госуслуг различные возможности электронного взаимодействия с органами принудительного исполнения посредством подачи различных ходатайств и заявлений в электронной форме, например,

- заявление о взыскании с должника расходов по совершению исполнительных действий
- заявление о наложении ареста на имущество и другие заявления по поводу ограничений на должника
- заявление об отводе судебного пристава
- заявление о возвращении излишне уплаченных денежных сумм

Автоматизация данных процессов подачи заявлений и ходатайств поможет сократить время на подачу заявлений взыскателям, а также поможет избежать ошибок, так как форма заранее загружена и необходимо заполнить лишь некоторые необходимые данные.

Также автоматизация касается и документов, которые выдают судебные приставы: «Постановление может быть вынесено в виде "бумажного" документа либо в форме электронного документа, подписанного усиленной

квалифицированной электронной подписью судебного пристава-исполнителя или иного должностного лица службы судебных приставов в порядке, установленном законодательством РФ, и может быть направлено адресату в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судебного пристава-исполнителя или иного должностного лица службы судебных приставов, в том числе с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг с учетом Правил оказания услуг почтовой связи» [6].

Немаловажным направлением для развития исполнительного производства является цифровизация взаимодействия органов [7], так как это, во-первых, безусловно ускорит процесс сбора необходимых документов, во-вторых, повысит гарантии исполнения принятых решений юрисдикционными органами. Так, с 2024 года ведётся разработка следующих направлений взаимодействия: единая система работы с ГАС «Правосудие» и судебными делами, система взаимодействия с коммерческими организациями и государственными органами [8].

Благодаря развитию межведомственного взаимодействия решаются многие задачи по улучшению связи между различными организациями и органами, а также ускорение этого процесса и охрана общественного порядка.

Активное внедрение и использование в работе новых информационных технологий значительно ускоряет процесс исполнительного производства и позволяет участникам процесса сократить время на совершение различных процессуальных действий. Предусмотрено огромное количество различных средств для реализации своих прав участникам процесса. Участники процесса также могут использовать различные сервисы. Например, они могут как использовать госуслуги, так и использовать банк исполнительных производств.

Анализ действующего законодательства позволяет понять эффективность внедрения в процесс информационных технологий, поскольку все органы переходят на электронный документооборот. В том числе в этой сфере требуется

улучшение кибербезопасности, в связи с кибератаками, которые заканчиваются нарушением работы различных сервисов, способных повлечь пропуск сроков или окончанием опубликования базы данных какого-либо из сервисов общего доступа.

Важным условием для работы в будущем и эффективного использования электронных сервисов является подготовка кадров в этой области деятельности. Ответственный подход к внедрению цифровых технологий в сфере юрисдикционного исполнения постановлений об административных правонарушениях позволит поднять эффективность административной деятельности ФССП РФ.

Библиографический список использованных источников

1. В 2023 году судебные приставы взыскали около 15 млрд руб. штрафов ГИБДД // Право.ru. – URL: https://pravo.ru/news/251278/?ysclid=mhta7wwe3s143738812 (дата обращения: 10.11.2025).

2. Ильина О. В., Фролов Д. В. Организационно–правовые основы административной деятельности Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации в сфере исполнительного производства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2022. – Т. 10, – № 3. – С. 44–53.

3. Коммерсантъ // Газета. — 2025. — №156. — С. 5.

4. Михайленко Е. С. Исполнительное производство по делам об административных правонарушениях: понятие, правовые основы, принципы / Е. С. Михайленко // Молодой ученый. — 2023. — № 2 (449). — С. 308-312. — URL: https://moluch.ru/archive/449/98707.

5. Об утверждении Порядка создания и ведения банка данных в исполнительном производстве Федеральной службы судебных приставов в электронном виде: Приказ ФССП России от 12.05.2012 № 248 (ред. от 04.03.2025) // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131537/?ysclid=mm341r62oe267568753 (дата обращения 26.02.2026г.)

6. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов РФ // Официальный интернет портал– правовой информации. – URL: https://fssp.gov.ru (дата обращения: 28.02.2026);

7. Правила формирования и функционирования единой системы межведомственного электронного взаимодействия: утверждены Постановлением Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 "О единой системе межведомственного электронного взаимодействия" // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://base.garant.ru/199319/ (дата обращения 02.06.2026г.)

8. Цифровое исполнительное производство: полезные сервисы для должника и взыскателя// Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: https://fcbg.ru/cifrovoe– ispolnitelnoe– proizvodstvo?ysclid=mm33hw3rh958262565 (дата обращения 02.06.2026г.)

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 336.22

НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Долотова Ксения Алексеевна,
студент 3 курса
ФГБОУ ВО ПГУ,
г. Пенза, Россия,
lapa05032005@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются особенности налогового режима дистанционной работы в условиях цифровизации экономики и трансформации форм занятости. Исследуются специфические черты нормативно-правового регулирования удаленного труда в зарубежных государствах. По итогам исследования делаются выводы о наиболее эффективных способах регулирования налогообложения данного вида труда и их применении в российском государстве.

Ключевые слова*:* налог, налоговый режим, мировой доход, резиденты, удаленная работа.

TAX REGIME FOR REMOTE WORK: A COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL APPROACHES

Dolotova Ksenia Alekseevna,
3rd-year student
FGBOU VO PGU,

the city of Penza, Russia,
lapa05032005@gmail.com

Abstract: the article examines the specifics of the tax regime for remote work in the context of the digitalization of the economy and the transformation of employment forms. The specific features of the regulatory and legal framework for remote work in foreign countries are studied. Based on the research, conclusions are drawn about the most effective ways to regulate the taxation of this type of work and their application in the Russian state.

Keywords: tax, tax regime, global income, residents, remote work.

Современные тенденции к цифровизации жизни привели к появлению работы, предполагающей дистанционный труд. К числу таких специальностей можно отнести дизайнеров, художников-аниматоров, бухгалтеров и другие. Однако, многие страны не были готовы к резкому росту числа удаленных специальностей из-за чего возникают трудности в налоговом регулировании процессов трудовой деятельности.

Основным вопросом ставится принадлежность работника к налоговой системе. С одной стороны, гражданин принадлежит конкретному государству, что определяет его налоговые обязательства, с другой стороны, дистанционный труд предоставляет возможность работать из любой точки мира, что может налагать на лицо обязательства других государств (непосредственно по месту нахождения). Как следствие возникают трудности в определении приобретенных прав на налогообложение.

В целях анализа современного состояния законодательства о приоритетном праве налогообложения следует рассмотреть позиции зарубежных государств.

В США действует «гражданство-центрическая» модель, что означает налогообложение по принципу наличия гражданства. Таким образом, граждане

обязаны платить налог с мирового дохода вне зависимости от страны пребывания [1, с. 34].

Несмотря на наличие гражданство-центрической модели власти США предусматривают защиту от двойного налогообложения. Так, в стране действует система Foreign Erned Income Exclusion (далее – FEIE), которая позволяет исключить из базы подоходного налога определенную сумму, если пройден тест физического присутствия (330 дней вне США) или теста налогового резидентства другой страны.

По мнению автора использование данной защитной системы не является эффективной и несет риски повторного налогообложения, FEIE также требует ведение сложной отчетности даже при отсутствии дохода.

В странах Европейского союза (далее – ЕС) существует проблема беспрепятственного перемещения рабочей силы. Основным инструментом регулирования является соглашение об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН).

Изначальная норма СИДН устанавливала срок для обложения налогом заработной платы по стране пребывания работодателя если работник физически находится там не менее 183 дней. Современная норма делит периоды пребывания в другой стране на краткосрочный и долгосрочный. Краткосрочный период действует до 60 дней. Долгосрочный дистанционный труд (более полугода) предполагает переход налоговых обязательств в страну пребывания [2, с. 3291]. Однако общее правило может быть изменено специальными соглашениями между странами.

Страны Юго-восточной Азии, Латинской Америки и Восточной Европы выбрали стратегию привлечения капитала через специальные визовые и налоговые режимы. Льготные периоды устанавливаются преимущественно для иностранных специалистов. Местные граждане вынуждены платить налоги с мирового дохода.

Россия – одна из первых стран, столкнувшихся с массовым оттоком населения за рубеж, что привело к необходимости пересмотра положений систем налогообложения.

До 2024 года ключевым фактором был статус налогового резидента (пребывание более 183 дней на территории РФ). Если сотрудник уезжал из страны и становился нерезидентом, его доходы от российского работодателя облагались НДФЛ по ставке 30%, либо признавались доходами от иностранных источников что не влекло налогообложения [4, с. 550].

С 1 января 2024 года внесены изменения в Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ которые установили приоритетность за местом выплаты заработной платы. Следовательно любые выплаты, полученные от российских компаний, попадают под юрисдикцию России. Ставка НДФЛ для таких работников составляет 13-15% [3].

С 2025 года действует пятиступенчатая прогрессивная шкала НДФЛ. Система предполагает разделение годового дохода на 5 уровней, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Прогрессивная шкала НДФЛ.

Уровень	Годовой доход (млн. руб.)	Ставка НДФЛ
1 ступень	До 2,4 включительно	13%
2 ступень	Свыше 2,4 до 5 включительно	15%
3 ступень	Свыше 5 до 20 включительно	18%
4 ступень	Свыше 20 до 50 включительно	20%
5 ступень	Свыше 50	22%

Таким образом система Российской Федерации трансформировалась в более жесткую. Государство старается удерживать налоги внутри страны путем признания доходов от Российских компаний доходом из страны, а также унификацией ставок под единую прогрессивную шкалу.

Исследовав Российскую систему, можно выявить следующие недостатки. Во-первых, высокая нагрузка на фонд оплаты труда, которая составляет около 43%. Для работодателя это делает найм российских сотрудников не выгодным. Для устранения проблемы следует снижать коэффициент страховых взносов с 30% до 7,6%, если сотрудник официально работает из-за рубежа.

Второй проблемой можно выделить отсутствие льготных налоговых режимов для иностранных специалистов, которые работают на зарубежные компании. В рамках решения проблемы предлагается введение льготных режимов налогообложения по специальной визе для нерезидентов.

Таким образом современной российской налоговой системе необходимо привлечение зарубежного дохода. Это возможно путем снижения налогов для иностранных специалистов, работающих на зарубежные компании. Также эффективным видится снижение страховых взносов.

Библиографический список использованных источников

1. Городилов Михаил Анатольевич, Гуров Илья Николаевич, Кустов Никита Алексеевич Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход: российский и зарубежный опыт // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – №5. – С. 21-39.
2. Маскин М. М. Особенности налогообложения доходов дистанционных сотрудников // ЭПП. – 2024. – №6. – С. 3289-3298.
3. Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса

Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 32 (часть 1). – Ст. 6121.

4. Чеканова В. А. Сравнительно-правовой анализ налогообложения физических лиц: от консерватизма к цифровой трансформации // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 546-552.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.61

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Юхтарова Мария Сергеевна,
студентка 3 курса
НИУ «ВШЭ»,
г. Москва, Россия,
maria_maria2006@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается эволюция российского законодательства о защите семьи. На основе анализа нормативных актов XI–XXI веков прослеживается трансформация семьи от объекта церковной юрисдикции к конституционно закрепленной ценности. Особое внимание уделяется проблемам, выявленным в постсоветский период. Предлагаются конкретные меры, направленные на совершенствование семейного законодательства.

Ключевые слова: история права, защита семьи, медиация, расторжение брака, семейное право, Семейный кодекс, конституционная ценность.

EVOLUTION OF FAMILY LEGAL PROTECTION IN RUSSIA: PROBLEMS AND DIRECTIONS OF LEGISLATION IMPROVEMENT

Yukhtarova Maria Sergeevna,
3rd year student
National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia,
maria_maria2006@mail.ru

Abstract: the article examines the evolution of Russian legislation on family protection. Based on the analysis of normative acts of the XI–XXI centuries, the transformation of the family from an object of ecclesiastical jurisdiction to a constitutionally fixed value is traced. Special attention is paid to the problems identified in the post-Soviet period. Specific measures aimed at improving family legislation are proposed.
Keywords: history of law, family protection, mediation, divorce, family law, Family Code, constitutional value.

Вопрос о критериях прочности государственного устройства традиционно рассматривается через призму военного потенциала и экономической стабильности. Однако юридическая наука позволяет взглянуть на проблему иначе. Устойчивость государства может измеряться и тем, насколько защищенной чувствует себя отдельная семья. Для России с ее тысячелетней историей такой подход имеет глубокие корни. Как отмечается в исследованиях, «семья как важнейшая традиционная ценность на протяжении всей отечественной истории сохраняет преемственность, обеспечивая духовную связь поколений, являясь настоящей опорой и общества, и государства» [5, с. 51]. Актуальность темы усиливается демографическими вызовами, официальным объявлением 2024 года Годом семьи, а также конституционными поправками 2020 года, закрепившими защиту традиционных семейных ценностей на высшем уровне. Защита и поддержание традиционных ценностей, включая семейные, рассматривается в стратегических документах РФ (Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) как составная часть обеспечения национальной безопасности [5, с. 45].

Цель настоящей работы – проследить эволюцию российского законодательства о защите семьи, выявить проблемы современного правового

регулирования и предложить юридические меры, направленные на совершенствование законодательства.

В догосударственный период брачно-семейные отношения на Руси регулировались обычаями и языческими нормами. Семья носила выраженный общинно-патриархальный характер. Как отмечает С.Н. Грошев, «до эпохи христианизации Руси у восточных славян имел место брачный дуализм, который характеризовался экзогамией с параллельными полигамными свойствами» [3, с. 1-2]. Это значит, что власть старшего мужчины была безграничной, практиковались похищение и покупка невест, многоженство.

С принятием христианства в 988 году на Русь пришло византийское брачно-семейное законодательство - «Номоканон», в русской редакции получивший название «Кормчей книги». Как показано в исследовании Ю.В. Бондаренко, «с принятием христианства в IX–X вв. на древнеславянский язык были переведены многие сочинения вероисповедального содержания. Получили широкое хождение и многие юридические документы. Речь идёт в первую очередь о различных сборниках византийского (канонического) права» [1, с. 1]. Церковь взяла брачно-семейные дела в свою юрисдикцию, ввела церковную форму брака и утвердила принцип единобрачия. Глава 50 Кормчей книги («О тайне супружества») определяла понятие брака, порядок его заключения и степени родства, препятствующие браку [10].

Известная всем «Русская Правда» (ок. 1016 г.) не является кодексом семейного права в современном смысле, но, как показано в исследовании О. В. Иншакова, эволюция этого документа отражает изменение роли малой семьи. С развитием хозяйства индивидуальная семья становится экономически самостоятельной единицей, и государство берет на себя защиту жизни и имущества ее членов, заменяет кровную месть системой штрафов [4].

XVI–XIX века характеризуются постепенной систематизацией и секуляризацией семейного права. «Домострой» середины XVI в. зафиксировал патриархальную модель семьи, просуществовавшую в России вплоть до XX

века. Соборное уложение 1649 г. обозначило переход от церковно-нравственной регламентации к государственно-правовому оформлению семейных отношений [9, с. 6]: юридически значимым признавался только церковный брак, требовалось обоюдное согласие жениха и невесты, власть в семье принадлежала мужу, но женщина уже не рассматривалась как его имущество.

Петровские реформы начала XVIII века усилили светское начало. Были установлены брачный возраст, запрет принудительных браков, право невесты на отказ, разрешены межконфессиональные браки. Свод законов Российской империи впервые закрепил имущественные права женщин [12].

Советский этап отличается радикальной сменой подходов. Кодекс 1918 г. ввел обязательную государственную регистрацию актов гражданского состояния, провозгласил равенство супругов. В середине 1920-х идея отмирания семьи привела к социальному хаосу. В 1930-е годы государство резко изменило политику: семья была провозглашена «основой социалистического общества», а Конституция РСФСР 1937 г. закрепила обязанность государства охранять интересы матери и ребенка. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. ознаменовал либерализацию: впервые семья была провозглашена самостоятельной ценностью, находящейся под защитой государства. Конституция СССР 1977 г. (ст. 53) закрепила: «Семья находится под защитой государства».

Семейный кодекс РФ, вступивший в силу 1 марта 1996 г., закрепил новые для российского права институты: брачный договор, соглашение об уплате алиментов, права несовершеннолетних детей, судебную защиту семейных прав [13]. Как отмечает П. В. Крашенинников, СК РФ стал одной из лучших кодификаций за всю историю законодательства новой России [7].

Конституционные поправки 2020 г. закрепили приоритет семьи и детей как объекта государственной политики, понимание брака как союза мужчины и женщины и обязанность государства защищать традиционные семейные ценности [6]. С 1 января 2025 г. действует национальный проект «Семья», в рамках которого реализуются меры поддержки: семейная ипотека, материнский

капитал, дополнительные выплаты многодетным [8]. По итогам 2025 года число многодетных семей в России выросло почти до 3 млн, в них воспитываются около 9,5 млн детей [15].

Однако наряду с достижениями накоплен и значительный массив проблем, требующих юридического осмысления. Во-первых, дисбаланс между декларативными нормами и правоприменительной практикой. Конституционное закрепление семьи как приоритета государственной политики создает нормативную основу, однако механизмы реализации этих норм остаются несовершенными. В частности, гарантии, закрепленные в ст. 38 Конституции РФ (защита материнства, детства и семьи), не в полной мере обеспечены процессуальными механизмами в случаях, когда семейные права нарушаются экономически более сильной стороной.

Во-вторых, нестабильность института брака по статистическим данным. По итогам 2025 года в России зарегистрировано около 880 тысяч браков при 644,5 тысячи разводов, что составляет примерно восемь разводов на десять браков [2]. Эксперты связывают эту динамику с экономической нестабильностью, снижением доходов, высокой бытовой нагрузкой и психологическим выгоранием. Правовая система, ориентированная преимущественно на ретроспективное регулирование (раздел имущества, алименты), не располагает достаточными превентивными механизмами.

В-третьих, Семейный кодекс РФ, при всех его достоинствах, не охватывает ряд отношений, которым требуется правовое регулирование. За пределами СК РФ остаются фактические брачные отношения (сожительство), имущественные вопросы таких союзов и правовой статус людей, заключивших церковный брак без государственной регистрации. Поэтому значительная часть населения сталкивается с правовой неопределенностью.

Семейные споры, особенно дела о расторжении брака и определении места жительства детей, часто сопровождаются высоким риском конфликта. Судебное разбирательство не всегда помогает его снизить. Семейная медиация, несмотря

на потенциальную эффективность, пока не получила достаточного нормативного развития. Суды не вправе в обязательном порядке направлять стороны к медиатору, а инфраструктура семейной медиации остается фрагментарной.

Отдельные трудности возникают при защите жилищных прав членов семьи. Хотя программы семейной ипотеки расширились, при расторжении брака сохраняются проблемы с защитой этих прав, особенно если жилье приобрели за счет целевых государственных субсидий. Суды неодинаково решают вопросы раздела такого имущества, поэтому правовая неопределенность сохраняется.

Постановление КС РФ от 30 октября 2025 года указало на необходимость обеспечить доступный способ оформления согласия супругов военнослужащих, живущих в отдаленных местностях, при совершении имущественных сделок [11]. Этот частный случай отражает более общую проблему. Законодательство не всегда учитывает особенности правового положения отдельных категорий семей, поэтому нужны точечные поправки.

Перечисленные проблемы задают направления законодательных изменений. В первую очередь СК РФ следует дополнить нормой, которая обяжет суд при рассмотрении споров о расторжении брака, определении места жительства детей и порядке общения с ними предлагать сторонам пройти медиацию до вынесения решения. Для этой процедуры нужна правовая основа аккредитации семейных медиаторов и единые требования к их квалификации. Такой порядок снизит конфликтность и может помочь сохранить семью в случаях, когда конфликт поддается урегулированию.

Целесообразно ввести регулярный (не реже раза в два года) доклад Уполномоченного по правам ребенка и Министерства юстиции о состоянии правоприменительной практики по семейным спорам с последующей выработкой рекомендаций по изменению законодательства. Это позволит выявлять системные проблемы на ранних стадиях.

В развитие Постановления КС РФ от 30 октября 2025 года предлагается внести в СК РФ общую норму, допускающую удостоверение согласия супруга

на сделку командиром воинской части (руководителем органа) в местностях, где отсутствует нотариус, распространив это правило не только на военнослужащих, но и на членов их семей, а также на лиц, проживающих в труднодоступных местностях, не связанных с военной службой. Это обеспечит равенство прав граждан независимо от места проживания.

Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон от 23 марта 2026 г., который внес изменение в ст. 3 СК РФ, установив, что изменения в Семейный кодекс вносятся только отдельными законами [14]. Эта мера заслуживает поддержки как инструмент защиты от спонтанных изменений, однако ее эффективность зависит от качества законопроектной работы. Целесообразно дополнить ее требованием обязательной экспертизы законопроектов, затрагивающих семейные отношения, на соответствие конституционному принципу защиты семьи.

Российское семейное законодательство прошло сложный путь от церковно-государственного регулирования через советский этап к конституционному закреплению семьи как абсолютного приоритета. Историко-правовой анализ подтверждает тезис о том, что крепкая, защищенная законом семья создает устойчивое и сильное государство. Современное регулирование сталкивается с серьезными вызовами. Высокий уровень разводов, распространение одинокого образа жизни, фрагментарность норм об отдельных институтах и недостаточное развитие превентивных механизмов требуют ответа. Предложенные меры направлены на решение выявленных проблем в рамках действующей правовой системы. Для их воплощения потребуется изменить законодательство, развить правоприменительную инфраструктуру, подготовить медиаторов и психологов, а также отслеживать эффективность принимаемых мер.

Библиографический список использованных источников

1. Бондаренко Юлия Викторовна К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/10-2-k-probleme-retseptsii-vizantiyskogo-prava-v-drevnerusskom-zakonodatelstve (дата обращения: 29.10.2026).
2. ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/22702277 (дата обращения: 10.10.2026).
3. Грошев Сергей Николаевич Брачно-семейный статус мужчин в Российской Империи XIX столетия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brachno-semeynyy-status-muzhchin-v-rossiyskoy-imperii-xix-stoletiya (дата обращения: 29.10.2026).
4. Иншаков Олег Васильевич Отражение эволюции института семьи в Русской Правде // Вестник ВолГУ. Экономика. 2016. №4 (37). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-evolyutsii-instituta-semi-v-russkoy-pravde (дата обращения: 29.10.2026).
5. Карева Алла Викторовна Крепкая семья как традиционная ценность российского государства: историко-правовой аспект // Российские исследования. Право и политика. 2026. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krepkaya-semya-kak-traditsionnaya-tsennost-rossiyskogo-gosudarstva-istoriko-pravovoy-aspekt (дата обращения: 29.10.2026).
6. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации
7. Крашенинников назвал Семейный кодекс одной из лучших кодификаций // Парламентская газета URL: https://www.pnp.ru/politics/krasheninnikov-nazval-semeynyy-kodeks-odnoy-iz-luchshikh-kodifikaciy.html (дата обращения: 10.10.2026).
8. Национальный проект «Семья» // Правительство России URL: http://government.ru/rugovclassifier/915/about/ (дата обращения: 10.10.2026).

9. Омельянчук Светлана Владимировна БРАК И СЕМЬЯ НА РУСИ КОНЦА XIII – XVII ВЕКОВ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И БЫТОВАЯ ПРАКТИКА // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brak-i-semya-na-rusi-kontsa-xiii-xvii-vekov-religioznye-predstavleniya-i-bytovaya-praktika (дата обращения: 29.10.2026).

10. Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права / Москва : Унив. тип. (М. Катков), 1887

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 N 36-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Лустача Олега Игоревича" // Официальный интернет-портал правовой информации

12. Свод Законов Российской Империи // КонсультантПлюс URL: https://civil.consultant.ru/code/?ysclid=mvw2g5gzek972405238 (дата обращения: 10.10.2026).

13. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации

14. Федеральный закон от 23.03.2026 N 68-ФЗ "О внесении изменения в статью 3 Семейного кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации

15. Число многодетных семей в России выросло почти до 3 млн за 2025 год // Парламентская газета URL: https://www.pnp.ru/social/chislo-mnogodetnykh-semey-v-rossii-vyroslo-pochti-do-3-mln-za-2025-god.html (дата обращения: 10.10.2026).

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА И СУДЕБНАЯ ПСИХИАТРИЯ

УДК 340.627

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА СМЕРТИ ПРИ ПЕРЕДОЗИРОВКЕ АЛКОГОЛЕМ

Богачева Милана Юрьевна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
milashkaboga@mail.ru
Яковлева София Александровна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
sofiyayakovleva1005@ya.ru
Научный руководитель:
Иванов Дмитрий Евгеньевич
д.б.н., профессор кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
ivanovde1963@mail.ru

Аннотация: статья посвящена судебно-медицинской оценке летальных исходов при отравлении алкоголем и его суррогатами. Разбираются трудности диагностики, отмечаемые экспертами, связанные с отсутствием специфических

морфологических признаков. Приводится статистика отравлений и резонансные случаи массовой гибели людей от метанола и контрафактного алкоголя.

Ключевые слова: алкогольная болезнь, летальные отравления, передозировка алкоголем, статистика, судебная медицина, судебно-медицинская оценка, суррогатный алкоголь.

MEDICO-LEGAL ASSESSMENT OF DEATH FROM ALCOHOL OVERDOSE

Bogacheva Milana Yuryevna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
milashkaboga@mail.ru
Yakovleva Sofia Alexandrovna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
sofiyayakovleva1005@ya.ru
Scientific advisor:
Ivanov Dmitry Evgenievich,
Doctor of Biological Sciences, Professor at the Department
of Legal Psychology, Forensic Expertise and Pedagogy
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
ivanovde1963@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the forensic assessment of lethal outcomes in cases of poisoning with alcohol and its substitutes. The difficulties in diagnosis noted by

experts, related to the absence of specific morphological features, are discussed. Statistics on poisonings and high-profile cases of mass deaths from methanol and counterfeit alcohol are presented.

Keywords: alcohol-related diseases, fatal poisoning, alcohol overdose, statistics, forensic medicine, forensic medical assessment, counterfeit alcohol.

Острое смертельное отравление этанолом остаётся одной из наиболее частых причин насильственной смерти в Российской Федерации и одновременно с тем одним из самых сложных объектов экспертного анализа. Такая сложность объясняется отсутствием специфических морфологических изменений внутренних органов, вследствие чего диагноз строится комплексно, с опорой на обстоятельства происшествия, данные судебно-химического исследования крови и мочи, а также на гистологическую и биохимическую картину. Судебно-медицинская оценка при летальном отравлении не сводится исключительно к констатации факта интоксикации, так как эксперту необходимо установить причину смерти, решить вопрос о роли алкоголя в танатогенезе и провести грань между собственно острым отравлением, отравлением на фоне алкогольной болезни и сочетанными интоксикациями.

Официальные данные Роспотребнадзора свидетельствуют, что в период с 2015 по 2024 гг. в России было зарегистрировано около 408 тыс. случаев острых отравлений спиртосодержащей продукций, из которых практически треть закончились летальным исходом [3]. В 2025 году показатель снизился до 20,24 случая на 100 тыс. населения, при общем числе острых отравлений спиртосодержащей продукцией свыше 387 тыс. за период с 2016 по 2025 год [1].

Статистика регионов в 2025-2026 гг. показывает, что благополучная федеральная динамика неоднородна. Так, например, в Республике Башкортостан за 2025 год от отравлений алкоголем умерли 184 человека против 156 годом ранее, смертность выросла с 3,8 до 4,6 случая на 100 тыс. населения, а 52 летальных исхода отравлений пришлись на Уфу [5]. По данным за январь-

сентябрь 2026 года в Башкортостане от отравления алкоголем умерли 125 человек [9]. Подобные колебания, что следует отметить, требуют от эксперта повышенной настороженности при оценке каждого конкретного случая, так как статистика прямо влияет на настороженность в отношении качества алкогольной продукции в конкретном регионе страны.

Массовое отравление метанолом в Ленинградской области стало самым резонансным эпизодом 2025 года и одновременно крупным испытанием для системы судебно-медицинской экспертизы. Первые сообщения о смертельных исходах стали поступать 24 сентября, к 26 сентября администрация региона сообщила уже от 19 погибших, а 27 сентября Следственный комитет подтвердил ещё 6 смертельных отравлений. К началу октября число подтверждённых летальных случаев достигло 41, а к середине месяца – 46 [4]. Примечательно, что пострадавшие обратились за медицинской помощью с признаками, похожими на обычное алкогольное опьянение, а подтверждение метаноловой этиологии стало результатом уже судебно-химического исследования биологических сред после смерти пострадавших. Данный эпизод показал разрыв между клиникой и токсикологической природой отравления и, как следствие, подтвердил высокую значимость посмертной лабораторной диагностики как решающего звена в установлении истинной причины смерти при отравлении алкоголем.

Диагностические подходы в практике судебной медицины продолжают уточняться. В частности, в работе С.С. Плиса с соавторами изучена встречаемость изменений в области лица у умерших от отравления этанолом. Авторы считают, что отёк лица, багровый или синюшный его оттенок, слюнотечение и слезотечение относятся к наиболее ранним и часто описываемым признакам, а диагностическая ценность одутловатости лица при этиловом отравлении достигает высокого порога чувствительности и специфичности. Также авторами подчёркивается, что общепринятого объяснения таких изменений до сих пор нет, что не мешает использовать их в

практике, но делает актуальной задачей количественную оценку их диагностической значимости [10, с. 174].

Согласно обобщающим экспертным материалам, диагноз смертельного отравления этанолом может быть поставлен в случае наличия всей совокупности признаков интоксикации и концентрации этанола в крови выше 3%, где 3,01% условно считается наименьшей смертельной концентрацией. Средняя смертельная концентрация приравнивается к уровню порядка 4%, а для лиц, склонных к чрезмерному употреблению, пороговые значения, как правило, превышают средние на 30-50% [11]. Объектами судебно-химического исследования выступают кровь и моча. Ценность результата повышается при дополнительном исследовании спинномозговой жидкости и содержимого желудка, а забор крови из бедренной или плечевой вены делается намеренно, чтобы исключить завышение показателя вследствие посмертной диффузии этанола из желудка в полость сердца.

Практика последних лет даёт много показательных примеров, доказывающих значение судебно-медицинской оценки смерти при передозировке алкоголем. Видится необходимым рассмотреть некоторые из них.

Первый пример касается уголовного дела о массовой гибели людей в Поволжском федеральном округе. Летом 2023 года серия отравлений напитком «Мистер сидр» унесла жизни 50 человек, 66 пострадали. Контрафактный алкоголь распространялся в Самарской, Ульяновской, Нижегородской, Пензенской областях и некоторых других регионах. Следствие установило, что предприниматель А. Айрапетян продал производителю алкогольного напитка порядка 4 тонн метилового спирта, который в дальнейшем использовался в производстве. В сентября 2025 года Красноглинский районный суд Самары признал предпринимателей виновными по ч. 3 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации и приговорил к 8,9 годам лишения свободы [2]. Роль судебно-медицинской экспертизы в данном деле была очень высока, ведь без количественного подтверждения содержания метанола в биологических средах

погибших и без разграничения вклада метанола и сопутствующего этанола в танатогенез доказать массовый характер отравления и причинно-следственную связь между действиями поставщика спирта и смертью потребителей было бы невозможно.

Второй рассматриваемый пример связан с процессуальной оценкой экспертного заключения. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2025 год, разбирается определение № 18-КАД24-66-К4. В данном определении кассационная инстанция отменила решение апелляции о назначении повторной экспертизы, сочтя её назначение необоснованным. Верховный Суд РФ, в свою очередь, отменил решение кассации, оставив акт апелляции в силе и напомнив, что суд кассационной инстанции не вправе устанавливать новые обстоятельства и переоценивать заключения судебных экспертиз (п. 41 Обзора) [8]. Прямого отношения применительно к случаям алкогольного отравления это разъяснение не даёт, но оно принципиально важно для дел, где исход зависит от вывода экспертов о причине смерти. Когда защита оспаривает методику определения этанола или оспаривает интерпретацию концентрации, именно процессуальная устойчивость заключения определяет, устоит ли обвинение по ст. 109 или ст. 238 УК РФ [12].

Обозначенные материалы и проведённый анализ позволяют предположить наличие двух проблем, имеющих реальное практическое значение в судебно-медицинской оценке смерти при передозировке алкоголем. В качестве первой проблемы можно выделить слабую формализацию диагностических порогов при сочетанных интоксикациях. Эксперт, обнаруживший в крови погибшего этанол в концентрации от 2,5 до 3% на фоне следов опиатов или метанола, оказывается перед трудным выбором. Признаки острого отравления этанолом в такой ситуации могут быть истолкованы и как основная причина смерти, и также как фоновое состояние. При этом действующие ориентировочные шкалы, восходящие к медицинским указаниям 1974 года и приведённые в современных

бюро судебно-медицинской экспертизы, как отмечает В.А. Клевно с соавторами, не учитывают комбинированное действие токсикантов [6, с. 55, 7].

Обоснование проблемы опирается на сведения о том, что метанол и другие примеси снижают смертельную концентрацию этанола до 1,5-2,5 промилле. Массовые отравления в регионах страны, в свою очередь, показывают, что подобные сочетания встречаются в практике достаточно часто. Решение видится в разработке и утверждении на федеральном уровне дифференцированных таблиц токсической оценки, в которых порог учитывал бы наличие сопутствующих спиртов и наркотических веществ. Также представляется полезным обязательное направление на расширенный химико-токсикологический скрининг всех случаев, в которых концентрация этанола ниже смертельной, но клинико-анамнестические данные при этом указывают именно на тяжёлую интоксикацию.

Вторая проблема касается вопросов устойчивости заключения в суде. Иллюстрацией цены процессуальной слабости заключения служит упомянутое определение Верховного Суда, где спор шёл именно о допустимости и обоснованности повторного экспертного исследования. Путь решения видится в нескольких направлениях, в том числе во введении обязательного чек-листа полноты экспертного заключения по отравлениям, где отдельными пунктами будут фиксироваться место забора крови, перечень исследованных биологических сред, использованный аналитический метод и его метрологические характеристики. Параллельно полезным видится также сопровождение результатов количественного определения этанола в крови и моче с расчётной оценкой степени опьянения погибших с указанием толерантности и наличия сопутствующих веществ.

Общий вывод сводится к тому, что судебно-медицинская оценка смерти при передозировке алкоголем в настоящее время остаётся комплексной задачей. Решающую роль в ней играет не отдельный признак, а согласованная совокупность данных – морфологических, лабораторных, анамнестических.

Федеральная динамика отравлений спиртосодержащей продукций показывает тенденции к снижению показателей при сохранении региональных «вспышек» и росте смертности в отдельных субъектах страны. В этих условиях, в частности, в связи с резонансными случаями отравления суррогатным алкоголем с большим числом погибших, наиболее актуальными направлениями работы представляются совершенствование диагностических порогов с учётом сочетанных интоксикаций (с опиатами, метилом и др.) и повышение процессуальной устойчивости экспертных заключений. Именно эти направления определяют, насколько точно экспертное заключение отражает истинную причину смерти и насколько прочно оно выдерживает проверку в суде, а это, в свою очередь, может предупредить смерти других людей от некачественной алкогольной продукции.

Библиографический список использованных источников

1. В Роспотребнадзоре раскрыли статистику отравлений россиян спиртными напитками // Вести. URL: https://www.vesti.ru/ns/v-rospotrebnadzore-raskryli-statistiku-otravlenij-rossiyan-spirtnymi-napitkami (дата обращения: 05.10.2026).
2. Вынесен приговор по уголовному делу о производстве и реализации поддельного сидра, от употребления которого погибли 50 человек // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5959741/?ysclid=mv6d9mau2272876455 (дата обращения: 10.10.2026).
3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2024 году» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=30171&ysclid=mbh2pxdlac438509951 (дата обращения: 05.10.2026).

4. Десятки погибших, тысяча литров суррогата: что известно об отравлении метанолом в Ленобласти // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/09/27/reg-szfo/desiatki-smertej-ot-surrogata-v-lenoblasti-podrobnosti-dela-ob-otravlenii-metanolom.html (дата обращения: 05.10.2026).

5. Информация о результатах токсикологического мониторинга в Республике Башкортостан за январь-декабрь 2025 года // Управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Башкортостан. URL: https://02.rospotrebnadzor.ru/content/228/43999/ (дата обращения: 05.10.2026).

6. Клевно В. А., Максимов А. В., Кучук С. А. и др. Методические рекомендации по судебно-медицинской экспертизе отравления алкоголем // Судебная медицина. 2020. № 6(1). С. 51-59.

7. Методические указания «О судебно-медицинской диагностике смертельных отравлений этиловым алкоголем и допускаемых при этом ошибках» (утв. Минздравом СССР 03.07.1974) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/400305222/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 10.10.2026).

8. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 10.

9. Отравления алкоголем унесли жизни 125 жителей Башкирии с начала года // Комсомольская правда. URL: https://www.ufa.kp.ru/online/news/7193887/ (дата обращения: 05.10.2026).

10. Плис С.С., Веселкина О.В., Максимов А.В. О некоторых изменениях, наблюдаемых в области лица умерших в результате отравления этанолом // Судебная медицина. 2024. №2. С. 171-180.

11. Судебно-медицинская диагностика острых отравлений алкоголем и его суррогатами // ОГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы», 2024. URL:

https://sud-med79.ru/2024/02/07/sudebno-meditsinskaya-diagnostika-ostryh-otravlenij-alkogolem-i-ego-surrogatami (дата обращения: 10.10.2026).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 32. Ст. 4497.

УДК 616.89

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ СИМУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПРИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Грищенко Максим Антонович,
студент 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
gmaxai@bk.ru
Чайковская Арина Артёмовна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
arishka281108@mail.ru
Научный руководитель:
Иванов Дмитрий Евгеньевич,
д.б.н., профессор кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
ivanovde1963@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена симуляции психических расстройств в судебной психиатрии — её отличию от аггравации и диссимуляции, сложностям распознавания. Рассмотрено нормативное регулирование и судебная практика, отражающая тонкую грань между имитацией и реальным расстройством. Предложены пути совершенствования экспертизы: комплексная оценка сведений и пролонгированное стационарное наблюдение.

Ключевые слова: диагностика психических расстройств, заболевание, заключение эксперта, клинические данные, психические расстройства, симуляция, судебно-психиатрическая экспертиза.

ISSUES IN DIAGNOSING THE SIMULATION OF MENTAL DISORDERS DURING FORENSIC PSYCHIATRIC EVALUATIONS

Grishchenko Maxim Antonovich,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
gmaxai@bk.ru
Chaykovskaya Arina Artyomovna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
arishka281108@mail.ru
Scientific advisor:
Ivanov Dmitry Evgenievich,
Doctor of Biological Sciences, Professor at the Department
of Legal Psychology, Forensic Expertise and Pedagogy
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
ivanovde1963@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the simulation of mental disorders in forensic psychiatry — its distinction from aggravation and dissimulation, and the difficulties of recognizing it. The regulatory framework and judicial practice are examined, reflecting the fine line between imitation and a real disorder. Ways to improve the examination

are proposed: a comprehensive assessment of the information and prolonged inpatient observation.

Keywords: diagnosis of mental disorders, disease, expert's conclusion, clinical data, mental disorders, malingering, forensic psychiatric examination.

Проблема распознавания симуляции психических расстройств остаётся одной из наиболее сложных и одновременно с тем наименее разработанных в российской судебной психиатрии. Ещё двенадцать лет назад В. И. Петров и В. И. Мурзич, опираясь на данные обобщений экспертной практики, указывали, что симуляция встречалась в 2–3,5% всех случаев экспертиз правонарушителей, причём у женщин она регистрировалась примерно вдвое реже, чем у мужчин. Данные цифры отражают лишь выявленные случаи и не учитывают «скрытый» сегмент, поскольку доказанное симулирование – это не исходная частота явления, а готовый результат состоявшейся экспертной квалификации [3, с. 54].

На основании анализа исследований выявлено, что симуляция психического расстройства представляет собой осознанное и целенаправленное поведение, состоящее в преднамеренном изображении несуществующих признаков психической патологии либо в искусственном вызывании лицом таких признаков, в том числе посредством приёма медикаментозных средств. Умысел здесь имеет конкретную прагматическую направленность. В уголовном процессе симуляция используется, чтобы избежать ответственности и наказания, затянуть предварительное расследование или судебное разбирательство, добиться перевода в условиях, предусмотренных для психически больных, или же получить иные преимущества, которые закон связывает с состоянием невменяемости. Именно наличие у «симулянта» осознанной цели отличает истинную (чистую) симуляцию от аггравации, при которой лицо умышленно преувеличивает симптомы уже имеющегося расстройства, и от диссимуляции, где, напротив, человек скрывает вполне реальные болезненные проявления.

Главная диагностическая трудность заключается в том, что симуляцию психического расстройства практически невозможно выявить лабораторно, инструментально или с помощью какой-либо одной психодиагностической методики. Её распознавание требует сопоставления клинической картины, анамнеза, данных наблюдения и анализа поведения обследуемого лица в различных ситуациях. Более того, существуют ситуации, в которых притворство не исключает наличия реального психического расстройства, и даже случаи, когда симуляция с течением времени перерастала в болезнь. Простая логика «симулирует – значит здоров» здесь не работает и способна стать причиной грубой экспертной ошибки.

Б. А. Спасенников и М. Г. Спасенникова доказывают, что проблемы вызывает и неравномерность поведения обследуемого. Симулятивное поведение почти никогда не бывает постоянным и всплывает зачастую в «переломные» моменты. Наиболее часто притворство манифестирует при заключении лица под стражу, в период судебного разбирательства, при изменении режима содержания и при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. В спокойные периоды, напротив, имитация может стихать или полностью исчезать, что создаёт ложное впечатление аутохтонной динамики заболевания [7, с. 49].

Отдельная категория проблем связана с распознаванием синдромов заболевания. Распознать притворство в случае с интеллектуальной недостаточностью может быть непросто, но бред, зрительные и вербальные галлюцинации в случае их симуляции бывает достаточно легко раскрыть посредством анализа описаний «видимого» обследуемым или при постановке специальных вопросов в случае с бредовыми построениями.

Сложность выявления симулянтов усугубляется недостаточностью объективных сведений, так как амбулаторные карты могут быть утрачены, а окружение обследуемого зачастую имеет личный интерес в определённом исходе экспертизы, в связи с чем их сведения нельзя однозначно считать достоверными.

Некоторую определённость в организацию экспертизы внесло обновлённое нормативное регулирование. В частности, приказом Минздрава России от 29 апреля 2025 года № 263н был утверждён новый Порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы [5]. Новый порядок закрепил производство экспертизы в медицинских и иных организациях, имеющих соответствующую лицензию и обеспечивающих амбулаторную и стационарную экспертизу. Приказ также подробно регулирует организацию и проведение исследования, учёт производства и хранение материалов экспертиз, штатные нормативы и стандарты оснащения отделений. Сохраняется базовое правило о том, что при серьёзности последствий установления симуляции экспертизу подозреваемых в притворстве следует проводить в стационарных условиях, где имеются все возможности для клинического изучения личности и лабораторных обследований.

Рекомендации по обязательному назначению экспертизы при сомнениях во вменяемости обследуемого содержатся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [4].

Судебная практика последних лет показывает, насколько хрупким может быть баланс между установлением симуляции и признанием подлинного расстройства. Так, например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2026 года по делу № 88-4440/2026 рассматривался спор о признании недействительным договора дарения [2]. Суд, опираясь на заключение судебной психиатрической экспертизы и совокупность установленных обстоятельств, пришёл к выводу, что даритель в момент совершения сделки не был способен понимать значение своих действий и руководить ими. Показательно, что в данном деле решающее значение имело не формальное наличие либо отсутствие диагноза, а содержательный анализ состояния лица конкретно в момент совершения дарения (то есть в юридически

значимый момент), что прямо перекликается с логикой, применимой и к оценке симуляции.

Здесь видится уместным упомянуть также определение Верховного суда РФ от 10 ноября 2025 года по делу № 5-УД23-13-К2 (Обзор судебной практики №2 за 2025 год) [1]. Судебная коллегия признала обоснованным отклонение представленного стороной защиты заключения специалиста, поскольку оно сводилось исключительно к оценке ранее проведённых по делу судебных экспертиз, а не к самостоятельному исследованию. Одновременно с тем подчёркивалось, что защита не лишена права, опираясь на суждения специалиста, приводить доводы против оспариваемых заключений и заявлять ходатайства о назначении дополнительной экспертизы. Данный подход, как видится, имеет прямое значение для дел о симуляции, в которых попытки оспорить вывод экспертов через «альтернативные» заключения, построенные на критике чужого исследования, встречают всё более последовательный отпор.

Показательным в рассматриваемом вопросе остаётся и решение Верховного Суда РФ от 18 марта 2025 года по административному делу № АКПИ24-1027, которым рассматривались заявления об оспаривании отдельных положений прежнего Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы, касающихся процедуры сбора субъективного анамнеза, оценки внешнего вида, мимики, движений и речи обследуемого. Само обращение к данным нормам подтверждает, что именно методика клинического наблюдения, а не формальные процедуры, является полем основного спора [6].

Изложенное позволяет обозначить некоторые основные направления преодоления имеющихся диагностических трудностей при выявлении симуляции психических расстройств:

– отказ от поиска «чистых» критериев симуляции с переходом к комплексной оценке поведенческих, клинических, анамнестических и документальных данных;

– обязательное пролонгированное стационарное наблюдение с документированием динамики состояния обследуемого в разных режимных условиях, так как именно расхождение между «показным» и «реальным» функционированием лица чаще всего вскрывает притворство;

– постоянная готовность экспертов допустить сосуществование симуляции и подлинного расстройства, возможности перерастания притворного поведения в болезненное;

– повышение качества медицинской документации и объективизация сведений, поступающих из окружения обследуемого;

– формирование высокой правовой культуры эксперта, который должен в полной мере понимать и принимать факт того, что вывод о симуляции означает не медицинский курьёз, а изменение процессуальной судьбы человека, и именно поэтому такой вывод требует исключительной доказательности.

Как видится, вышеназванные принципы должны стать устойчивой практикой судебно-психиатрической экспертизы. Несмотря на сложность выявления симуляций психических расстройств, необходимо стремиться к наиболее точной их дифференциации от признаков реальных отклонений, так как решение эксперта в подобных делах действительно способно решить судьбу и всю дальнейшую жизнь человека.

Библиографический список использованных источников

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) // Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34521 (дата обращения: 05.10.2026).

2. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2026 № 88-4440/2026 // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=183989&ysclid=mv3hw6dn373029280#FWWuiXVeqiiG8oCp (дата обращения: 05.10.2026).

3. Петров В. И., Мурзич В.И. Симуляция психических расстройств в судебно-психиатрической практике // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Международной научно-психиатрической конференции, Могилев, 27 февраля 2014 г. Могилев : Могилёвский высший колледж МВД Республики Беларусь, 2014. С. 53-55.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 21.05.2026) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 7.

5. Приказ Минздрава России от 29.04.2025 № 263н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 2 июня 2025 г. № 0001202506020028.

6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № АКПИ24-1027 Об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании подпункта "б" пункта 5, пунктов 6, 10, 11 Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы, утв. приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/411886706/?ysclid=mv3ibaisc3580635807 (дата обращения: 05.10.2026).

7. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. О признаках симуляции психических расстройств подследственными // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье. 2017. №2 (26). С. 47-50.

УДК 347. 63

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ ЭКСПЕРТНОГО РЕШЕНИЯ

Липатова Милена Витальевна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
Milll-01.12@mail.ru
Сорокина Дарья Андреевна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
sorokinad241@gmail.com
Научный руководитель:
Иванов Дмитрий Евгеньевич,
Д.биол.н., доцент,
профессор кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
Ivanovde1963@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования специальных психологических и медицинских знаний при разрешении споров о месте проживания несовершеннолетнего ребенка с одним из родителей. Особое

внимание уделяется междисциплинарному характеру экспертного исследования, разграничению компетенции суда, психолога, психиатра и врача, а также медицинским и пограничным критериям, способным повлиять на способность родителя осуществлять воспитание и уход за ребенком. Анализируются вопросы оценки психического и соматического состояния родителей, выявления зависимости от психоактивных веществ, а также возможного влияния длительного внутрисемейного конфликта на состояние несовершеннолетнего.

Ключевые слова: Зависимость, комплексная экспертиза, место проживания ребенка, несовершеннолетний, психическое здоровье, родитель, родительско-детские отношения, соматическое состояние, судебно-психологическая экспертиза, экспертное заключение.

JUDICIAL AND PSYCHOLOGICAL EXAMINATION AS A TOOL FOR DETERMINING THE OPTIMAL PLACE OF RESIDENCE FOR A MINOR: CRITERIA FOR MAKING AN EXPERT DECISION

Lipatova Milena Vitalievna,
4th-year student
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
Milll-01.12@mail.ru
Sorokina Darya Andreevna,
4th-year student
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
Sorokinad241@gmail.com
Academic supervisor:
Ivanov Dmitry Evgenievich,
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Legal Psychology,

Forensic Science and Pedagogy
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
Ivanovde1963@mail.ru

Abstract: The article examines the specifics of using specialized psychological and medical knowledge in resolving disputes regarding the place of residence of a minor child with one of the parents. Special attention is paid to the interdisciplinary nature of expert research, the delineation of the competencies of the court, psychologist, psychiatrist, and doctor, as well as to medical and borderline criteria that may affect a parent's ability to raise and care for the child. The issues of assessing the mental and somatic state of parents, identifying dependence on psychoactive substances, and the possible impact of a prolonged intra-family conflict on the condition of a minor are analysed.

Keywords: Addiction, comprehensive examination, place of residence of the child, minor, mental health, parent, parent-child relations, somatic state, forensic psychological examination, expert opinion.

Определение места проживания несовершеннолетнего при раздельном проживании родителей относится к числу наиболее сложных категорий семейных споров. Формально предметом судебного разбирательства является установление того, с кем из родителей ребенку будет обеспечено наиболее благоприятное проживание и воспитание. Однако фактическое решение данного вопроса невозможно свести исключительно к сопоставлению материальных условий, жилищных возможностей или субъективных утверждений самих родителей. В центре такого спора находится несовершеннолетний, интересы которого требуют специальной оценки с учетом его возраста, состояния здоровья, эмоционального состояния, характера привязанности к каждому из родителей и особенностей сложившейся семейной ситуации.

Согласно статье 65 Семейного кодекса Российской Федерации место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается

соглашением родителей, а при наличии спора определяется судом исходя из интересов детей и с учетом их мнения [3]. При этом законодатель обращает внимание на целый комплекс обстоятельств, в числе которых названы привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, а также возможность создания условий для его воспитания и развития. Поэтому суду необходимо установить не только формальные обстоятельства жизни семьи, но и оценить те особенности взаимоотношений, которые непосредственно связаны с психологическим благополучием несовершеннолетнего. Именно на этом этапе возникает необходимость обращения к специальным знаниям.

В соответствии со статьей 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в случае возникновения вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, суд назначает экспертизу [2]. При этом экспертное исследование не подменяет деятельность суда: специалист исследует поставленные перед ним вопросы в пределах своей компетенции, а окончательная оценка доказательств и принятие решения относятся к исключительной компетенции суда. Специальные знания в подобных спорах имеют особое значение вследствие того, что внешне благоприятное поведение родителя не всегда соответствует его действительным психологическим возможностям и характеру отношений с ребенком. Например, демонстрируемая родителем забота может сочетаться с чрезмерным контролем, эмоциональным давлением либо формированием у ребенка негативного отношения к другому родителю. С другой стороны, отсутствие выраженной эмоциональности в поведении родителя само по себе не свидетельствует о недостаточной привязанности к ребенку. Установление подобных обстоятельств требует профессиональной психологической оценки.

В Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закреплено, что

государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в целях содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [1]. Одним из основных принципов экспертной деятельности является объективность, всесторонность и полнота проведенного исследования. Применительно к спорам о месте проживания ребенка это означает, что эксперт не должен исходить из заранее сформированного вывода о том, какой из родителей является «лучшим». Его задача заключается в исследовании конкретных психологических и, при необходимости, медицинских обстоятельств, имеющих значение для оценки интересов несовершеннолетнего.

Особого внимания требует вопрос о разграничении компетенций различных специалистов. Судебный психолог оценивает психологические особенности личности родителей и ребенка, характер их взаимоотношений, особенности эмоциональной привязанности, способы реагирования на конфликтные ситуации и другие психологически значимые обстоятельства. В то же время психиатрическая компетенция связана прежде всего с установлением наличия либо отсутствия психических расстройств и оценкой их влияния на поведение и способность лица выполнять соответствующие социальные функции. Судебно-медицинское исследование, в свою очередь, может иметь значение при установлении состояния физического здоровья, последствий заболеваний и травм, признаков употребления определенных веществ и иных обстоятельств медицинского характера. Поэтому в сложных семейных спорах может возникать необходимость не в изолированном психологическом исследовании, а в комплексном подходе, позволяющем сопоставить психологические, психиатрические и медицинские данные.

В научной литературе, посвященной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по спорам о воспитании детей, отмечается

необходимость установления целого ряда факторов, характеризующих как личность родителей, так и систему детско-родительских отношений. При этом существенное значение имеют не отдельные психологические характеристики, а их сочетание и влияние на развитие ребенка [4, с. 7].

Следовательно, экспертное исследование в рассматриваемой категории дел целесообразно рассматривать не как способ выбора одного из родителей вместо другого, а как инструмент объективизации тех обстоятельств, которые суд не способен установить исключительно посредством непосредственного восприятия доказательств. Экспертное заключение позволяет перевести психологически сложные обстоятельства семейного конфликта в профессионально обоснованную систему критериев, которые могут быть использованы судом при оценке доказательств. При этом принципиальное значение имеет сохранение границ экспертной компетенции, то есть эксперт не должен решать юридический вопрос о том, с кем именно необходимо определить место проживания ребенка. Такой вывод означал бы подмену судебной функции. Предметом экспертного исследования могут быть только те психологические и медицинские обстоятельства, для установления которых требуются специальные знания.

При проведении экспертного исследования по делам об определении места проживания несовершеннолетнего существенное значение имеет состояние здоровья родителей. Вместе с тем само по себе наличие у лица заболевания, инвалидности либо иных медицинских особенностей не может автоматически рассматриваться как обстоятельство, препятствующее проживанию ребенка с данным родителем. Подобный подход имеет принципиальное значение, поскольку состояние здоровья необходимо оценивать не формально, по принципу «есть заболевание — значит, родитель не способен воспитывать ребенка», а с учетом фактического влияния соответствующего состояния на способность выполнять родительские обязанности. В экспертном исследовании имеет значение не только диагноз как медицинский факт, но и функциональные

последствия заболевания. Например, наличие хронического соматического заболевания может требовать регулярного лечения или соблюдения определенного режима, однако при стабильном состоянии здоровья оно не обязательно препятствует полноценному уходу за ребенком. Иная ситуация может возникнуть в случае тяжелого заболевания, выраженного нарушения функций организма либо состояния, при котором родитель объективно не способен обеспечить несовершеннолетнему необходимый уровень безопасности и ухода. Поэтому медицинская характеристика родителя должна рассматриваться во взаимосвязи с конкретными условиями проживания ребенка. При оценке имеют значение необходимость постоянного постороннего ухода, способность обеспечивать бытовые потребности несовершеннолетнего, возможность своевременного обращения за медицинской помощью, соблюдение режима лечения самого родителя и иные обстоятельства, способные непосредственно отражаться на качестве выполнения родительских обязанностей.

Отдельного рассмотрения требуют психические расстройства. Наличие психиатрического диагноза также не должно автоматически приводить к выводу о невозможности проживания ребенка с соответствующим родителем. Определяющим является вопрос о том, каким образом конкретное психическое состояние влияет на способность человека адекватно воспринимать потребности ребенка, контролировать собственное поведение, обеспечивать безопасность несовершеннолетнего и поддерживать устойчивые отношения с ним. В связи с этим эксперт должен учитывать не только сведения о наличии психического расстройства, но и динамику состояния, степень выраженности нарушений, особенности поведения, отношение лица к лечению, наличие критики к своему состоянию и фактическое функционирование в семейной и социальной среде.

Важным медицинским критерием является также наличие зависимости от алкоголя либо наркотических веществ. В подобных случаях субъективных утверждений участников процесса недостаточно. Обвинения одного родителя в

адрес другого могут быть обусловлены не только реальным употреблением психоактивных веществ, но и высокой конфликтностью отношений. Поэтому сведения о зависимости должны по возможности подтверждаться объективными медицинскими данными. Для этой цели могут иметь значение результаты химико-токсикологических исследований, сведения из медицинской документации, данные о прохождении лечения, наблюдении у соответствующих специалистов, а также иные объективные сведения. При этом единичный факт употребления алкоголя или иного вещества сам по себе не тождественен сформированной зависимости и не позволяет без дополнительного анализа сделать вывод о неспособности лица осуществлять родительские функции. Вместе с тем хроническая алкогольная или наркотическая зависимость может существенно изменять поведение человека и его способность обеспечивать безопасность ребенка. В частности, состояние интоксикации способно приводить к снижению контроля поведения, нарушению эмоциональной регуляции и пренебрежению потребностями несовершеннолетнего. Поэтому при подтвержденном наличии зависимости необходимо исследовать не только сам медицинский диагноз, но и его фактические последствия для семейной жизни. В данном случае важным является взаимодействие медицинских и психологических критериев. К примеру, злоупотребление алкоголем может сопровождаться раздражительностью, импульсивностью, эмоциональной нестабильностью, снижением критичности и конфликтностью. Однако определение психологических характеристик относится уже к иной части экспертного исследования. Медицинские данные в данном случае выступают одним из источников информации, который должен сопоставляться с результатами психологического обследования.

Особое значение может иметь анализ динамики состояния ребенка. Если определенные нарушения возникли или усилились одновременно с обострением семейного конфликта, данное обстоятельство может быть психологически значимым. Например, у детей в условиях выраженного эмоционального

напряжения могут наблюдаться нарушения сна, повышенная тревожность, эмоциональная лабильность, трудности концентрации внимания и другие реакции. В ряде случаев психоэмоциональное неблагополучие может сопровождаться соматическими проявлениями. Одним из примеров, который рассматривается в медицинской и психологической литературе, является энурез. При этом данный симптом имеет различные возможные причины и не может рассматриваться исключительно как следствие неблагоприятной семейной обстановки. Однако при наличии соответствующих медицинских и психологических данных его возникновение или усиление в период значительного эмоционального напряжения может иметь диагностическое значение [5, с. 138].

Поэтому при экспертном исследовании необходимо избегать упрощенного причинно-следственного подхода. Сам факт конфликта между родителями и наличие у ребенка определенного симптома еще не доказывают причинную связь между ними. Требуется оценка возраста ребенка, анамнеза, состояния его здоровья, особенностей семейной ситуации и результатов психологического обследования.

Немало важным является вопрос о медицинской документации. При ее использовании эксперт должен учитывать не только сведения о диагнозах, но и обстоятельства их установления, динамику заболевания, назначенное лечение и фактическое состояние лица на момент проведения исследования. Изолированное указание на диагноз без анализа его клинического значения может привести к необоснованному выводу о способности либо неспособности родителя выполнять свои обязанности. При работе с медицинскими сведениями необходимо также учитывать требования законодательства об охране здоровья граждан и врачебной тайне. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает особый режим информации о состоянии здоровья гражданина [6, с. 13]. Поэтому

получение и использование медицинской информации в рамках экспертного исследования должно осуществляться в предусмотренном законом порядке.

Таким образом, медицинские и пограничные критерии в делах об определении места проживания ребенка должны оцениваться комплексно. Наличие заболевания, психического расстройства, инвалидности либо сведений об употреблении психоактивных веществ является основанием для дополнительного исследования соответствующих обстоятельств, но не должно автоматически превращаться в вывод о родительской несостоятельности. Наиболее обоснованным представляется функциональный подход, при котором устанавливается конкретное влияние состояния здоровья родителя на его способность обеспечивать безопасность, уход, воспитание и эмоциональную стабильность ребенка.

Аналогичным образом состояние несовершеннолетнего должно оцениваться с учетом его индивидуальных особенностей и всей совокупности медицинских и психологических факторов. Медицинские данные не заменяют психологическую оценку отношений между ребенком и родителями, однако позволяют определить наличие обстоятельств, способных существенно изменить условия воспитания. Именно поэтому при сложных семейных спорах медицинские, психиатрические и психологические сведения должны рассматриваться во взаимосвязи, не выходя за пределы компетенции каждого специалиста.

В то же время физический и психиатрический статус определяют лишь базовые границы родительской правоспособности, пока меж тем психологический блок нашего экспертного исследования формируется на содержательных параметрах внутрисемейной динамики, заключённой в триаде «мать – отец – ребёнок», либо система привязанности «Родитель – ребёнок». Для формирования беспристрастного заключения специалисту необходимо последовательно изучить три ключевых составляющих первым из которых выступает дифференциация искренней эмоциональной связи в системе детско-

родительских отношений и отделения истинных векторов привязанности несовершеннолетнего от навязанных, зачастую ситуативных или конформистских проявлений, основанных на клиническом выражении психосоматизации. Внешне демонстрируемая ребёнком лояльность к одному из родителей является результатом латентного психологического давления со стороны того самого «хорошего» родителя, в чьём поле принуждения он находится, что с большей вероятностью влечёт манифестацию соматоформных и вегетативных нарушений. Для должной объективизации этих процессов, судебно-медицинский и судебно-психологический анализ должен опираться не только на поведенческие синдромы, но и на объективизацию физических проявлений пролонгированного стресса.

В своей работе Якимова и Метелкина рассуждают, что в подобном ключе комплексная оценка соприкасается с привычным понимаем того, что «надёжная первичная привязанность может рассматриваться как протектор в проживании трудных жизненных ситуаций к которым в данном случае относится необходимость принятия особой родительской любви, а её отсутствие лишает важного ресурса, затрудняет нормализацию» [8, с. 6]. Отсутствие у несовершеннолетнего крепкой привязанности к одному родителю, пока семейный конфликт переходит в состояние затяжного, напрямую оказывает влияние на его физиологическое состояние, вызывая истощение нервной системы. Постоянный стресс запускает у ребёнка психосоматические реакции. Именно поэтому судебно-медицинский эксперт совместно с психологом должны проверять насколько устойчивы и безопасны детско-родительские отношения. Данный подход позволяет вовремя выявить скрытые соматические нарушения, оценить реальные адаптивные возможности организма несовершеннолетнего и спрогнозировать риски для его физического здоровья при определении места дальнейшего проживания.

Не менее важным фактором является личностно-характерологический профиль сторон. При этом свойства личности матери и отца необходимо изучать

не отдельно друг от друга, а сквозь их прямое влияние на псих-эмоциональное развитие несовершеннолетнего. Эксперты, в ходе своей деятельности, обязуются выявлять подобного рода деструктивные черты, как скрытая враждебность, упрямство и жестокость мышления, вспыльчивость и цинизм по отношению к ребёнку, выраженный в неспособности сопереживать собственному ребёнку. Из-за этих особенностей родители зачастую выбирают неправильные методы воспитания – от тотального контроля до полного эмоционального безразличия и дистанциирования. В условиях затяжного кризиса, подобные «методы воспитания» провоцируют у несовершеннолетних появление неврозов, страхов и различных психосоматических расстройств.

При изучении личностно-характереологических особенностей участников спора, т.е обоих родителей, и характера и воспитательного воздействия судебно-психологическая экспертиза неизбежно обращается к межпоколенческой передачи родительских моделей поведения. Данный феномен позволяет рассматривать деструктивные особенности самой личности матери и отца, не как исключительно ситуативные реакции, обусловленные текущим конфликтом, либо конфликтом внутри судебного процесса, а как устойчивые способы реагирования, сформированные на основе собственного детского опыта. Напротив, в экспертной практике Кузнецов утверждает, что «подросток, регулярно становящийся свидетелем или объектом враждебного родительства, усваивает эту модель как действенный, пусть и негативный, способ решения воспитательных задач. Данный путь передачи является более прямым и, в некотором смысле, более ригидным, поскольку он может воспроизводиться даже при критическом отношении подростка к такому стилю, но в условиях стресса или фрустрации актуализируясь как «знакомая» стратегия» [7, с. 8]. Этот процесс не обязательно требует глубокой рефлексии или интернализации; он часто работает по принципу социального научения». Несовершеннолетний, будучи воспитанным в условиях дисфункциональной семейной среды, усваивает не только визуально отложившиеся формы поведения родителей, но и лежащие

в их основе эмоциональные, когнитивные и реляционные модели. Потому, став взрослым и попадая в ситуацию судебного спора, такой родитель в условиях стресса начинает автоматически воспроизводить собственные бессознательные сценарии. Защитить интересы несовершеннолетнего, в данной конфликтной ситуации, способен лишь тот участник судебного процесса, который обладает высоким уровнем рефлексии и психологической зрелости.

В условиях выраженного межличностного или судебного конфликта происходит актуализация уже ранее сформированных способов психологической защиты и владения собой, вследствии чего родитель может бессознательно обращаться к моделям поведения, усвоенным в родительской семье. При возникновении эмоционального напряжения и фрустрации могут проявляться такие дезадаптивные стратегии, как физическое, либо эмоциональное насилие, скрытая враждебность по отношению к ребёнку, чрезмерный и ригидный контроль, а также эмоциональное дистанциирование или отвержение ребёнка. Подобное их воспроизведение часто не является результатом осознанного желания причинить боль: напротив, даже при наличии личного убеждения в недопустимости повторения негативного опыта собственной семьи при предельном стрессе могут автоматически активироваться привычные поведенческие сценарии.

В рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы существенное диагностическое значение приобретает исследование уровня рефлексивных возможностей сторон процесса. Возможность прервать процесс воспроизведения деструктивных межпоколенческих моделей во многом определяет способность родителя сознавать, анализировать и переосмыслять собственный детский и семейный опыт. Достаточно развитая рефлексия в сочетании с эмпатией позволяет родителю отделять собственный «неудачный» опыт в совокупности с психологическими переживаниями, от настоящих потребностей ребёнка. Подобная практика создаёт предпосылки для

формирования эмоционально-безопасной, стабильной модели воспитания, в том числе в условиях разрыва супружеских отношений.

Таким образом, исследование межпоколенческих механизмов в рамках судебно-психологического анализа имеет значение не только для понимания происхождения деструктивных особенностей родительского поведения, но и для комплексной способности взрослого родителя к изменению моделей взаимодействия и прогнозирования устойчивости дальнейшего развития отношений родителя с ребёнком.

В контексте комплексного судебного исследования одной из наиболее серьёзных ошибок выступает редукционизм при квалификации личностно-характерологических деформаций сторон, проявляющейся в упрощённой, исключительно ситуативной трактовке их деструктивного поведения. Зачастую эксперты склонны анализировать такие проявления, как скрытая враждебность, тотальный контроль, цинизм и эмоциональное дистанциирование, сугубо как временные защитные реакции, обусловленные острым стрессом от судебного процесса и межличностного конфликта. При столь поверхностном подходе полностью игнорируется латентный феномен передачи межпоколенческой передачи деструктивных моделей поведения, что как итог, значительно снижает прогностическую ценность всего экспертного заключения.

В условиях предельного стресса, сопровождающего бракоразводный процесс, у любого из родителей бессознательно активируются ригидные сценарии, усвоенные ещё в глубокой юности, о чём уже говорилось выше. То, бывают случаи, когда эксперт ошибочно ограничивается фиксацией текущего микроклимата и не уделяет внимание исследованию более глубинного уровня рефлексивных возможностей сторон, их психологическую зрелость и способность в принципе сознавать собственный травматический опыт, полученный в детстве, то этот эксперт совершает грубую профессиональную ошибку. Без исследования данных факторов не представляется возможным дифференцировать своевременную эмоциональную компенсацию родителя от

устойчивых, глубоко укоренённых методов родительства. В результате эксперт становится неспособен выявить латентное давление на ребёнка, ошибочно принимая искусственно сформированную лояльность ребёнка, обусловленную психологическим давлением, за проявление настоящей эмоциональной привязанности. Данная проблематика тесно связана с фундаментальным понятием экспертных ошибок, природа которых кроется не только в нарушении процессуальных регламентов, но и в так называемом «человеческом факторе». Субъективность, предвзятость, профессиональные стереотипы и несклонность к глубоким логическим умозаключениям специалиста приводят к редукции сложных психологических феноменов. В семейных спорах это выражается в подмене узкоспециализированных понятий, когда ситуативное поведение сторон в ходе судебного процесса затмевает для эксперта глубинные характерологические деформации и межпоколенческие сценарии. Как следствие, упущение столь важных деталей влечет за собой наиболее тяжелое последствие экспертной ошибки — принятие судом неправосудного решения, ущемляющего законные права и интересы несовершеннолетнего [9, с. 96]. Подобная некомпетентность специалиста приводит к неверной оценке реальных адаптивных возможностей организма несовершеннолетнего и не позволяет своевременно спрогнозировать риски манифестации соматоформных, вегетативных нарушений и хронического истощения нервной системы ребенка при определении места его дальнейшего проживания.

В итоге нужно сказать, что судебная экспертиза при спорах о месте жительства ребенка должна помогать объективно понять, что действительно важно для ребенка, а не просто выбирать «лучшего» родителя. Анализ показывает, что оценка здоровья и психического состояния родителей должна быть функциональной. Сам диагноз или пограничное состояние не должны автоматически означать, что родитель не справляется. Главное — насколько болезнь или нарушение действительно мешают взрослому заботиться о базовых потребностях и безопасности ребенка. В то же время экспертиза должна

сосредотачиваться на реальных отношениях в семье. Во время долгого развода личностные проблемы родителей нельзя просто списывать на стресс от суда. Такие реакции — постоянные и уходят корнями в детство, где сформировались деструктивные модели поведения, передающиеся из поколения в поколение.

Из-за этого к экспертизам предъявляется высокая требовательность по качеству и методике. Если специалист поверхностно описывает ситуацию в семье и не учитывает, насколько родители способны к саморефлексии, это приводит к ошибкам в диагностике. Самая опасная ошибка — когда под давлением взрослого у ребенка формируется ложная лояльность, которую принимают за настоящую привязанность.

Такие ошибки не только рискуют привести к несправедливому решению суда, но и вредят ребенку. Это может вызывать психосоматические проблемы, истощать нервную систему и провоцировать различные нарушения здоровья. Защита прав ребенка в суде возможна только при комплексном и междисциплинарном подходе, который сочетает медицинскую оценку с глубоким психологическим анализом отношений между ребенком и родителями, без выхода эксперта за рамки его компетенции.

Библиографический список использованных источников

1. Алексей Евгеньевич Психологические механизмы формирования представлений о родительстве у подростков в системе детско-родительских отношений // Психология и психотехника. 2026. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-formirovaniya-predstavleniy-o-roditelstve-u-podrostkov-v-sisteme-detsko-roditelskih-otnosheniy (дата обращения: 08.10.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. От 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 79.

3. Гладышева Ю. В., Мартынович Н. Н., Ахмедова М. Р., Ахмедова С. В. Значимость проблемы детского энуреза для родителей // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. Т. 65. № 4.

4. Русаковская О. А., Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К. Факторы, подлежащие установлению при проведении КСППЭ по спорам о воспитании детей раздельно проживающими родителями // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 3. № 1. Ст. 7;

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. От 18.03.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

6. Столбоушкина Т.А., Медведева С.Н. Экспертные ошибки при производстве судебных экспертиз, их виды, причины возникновения и последствия // Вестник КРУ МВД России. 2024. №4 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnye-oshibki-pri-proizvodstve-sudebnyh-ekspertiz-ih-vidy-prichiny-vozniknoveniya-i-posledstviya (дата обращения: 08.10.2026).

7. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. От 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291. — Ст. 4.

8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. От 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724. — Ст. 13, 22.

9. Якимова Т.В., Метелкина Л.С. Специфика привязанности матери к своему ребенку раннего возраста в норме и при дизонтогенезе тяжелой степени // Психология и психотерапия семьи. 2019. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-privyazannosti-materi-k-svoemu-rebenku-rannego-vozrasta-v-norme-i-pri-dizontogeneze-tyazheloy-stepeni (дата обращения: 08.10.2026).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВИДЫ СОУЧАСТНИКОВ И ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ

Гнитецкая Екатерина Александровна,
студентка 5 курса
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева» (Северо-Кавказский филиал),
г. Краснодар, Россия
Научный руководитель:
Козина Оксана Александровна,
преподаватель кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева» (Северо-Кавказский филиал),
г. Краснодар, Россия

Аннотация: статья посвящена институту соучастия в преступлении в российском уголовном праве. На основе статей 32, 33, 35 и 36 УК РФ, доктринальных подходов и судебной практики раскрываются признаки и формы соучастия, виды соучастников, правила квалификации их действий, а также пределы ответственности организатора, подстрекателя и пособника при эксцессе исполнителя и при неоконченном преступлении.

Ключевые слова: акцессорность, исполнитель, квалификация преступления, организатор, подстрекатель, пособник, соучастие, эксцесс исполнителя.

THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN A CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: TYPES OF ACCOMPLICES AND EXCESS OF THE PERPETRATOR

Gnitetskaya Ekaterina Alexandrovna,
5th year student
Lebedev Russian State University of Justice (North Caucasus Branch),
Krasnodar, Russia,
Scientific supervisor:
Kozina Oksana Aleksandrovna,
Lecturer at the Department of Criminal Law
Lebedev Russian State University of Justice (North Caucasus Branch),
Krasnodar, Russia

Abstract: the article is devoted to the institute of complicity in a crime in Russian criminal law. Basing on articles 32, 33, 35 and 36 of the Criminal Code of the Russian Federation, doctrinal approaches and judicial practice, the author reveals the elements and forms of complicity, the types of accomplices, the rules for qualifying their actions, as well as the limits of liability of the organizer, instigator and aider under the excess of the perpetrator and in an unfinished crime.

Keywords: accessory liability, complicity, excess of the perpetrator, instigator, organizer, perpetrator, qualification of a crime, types of accomplices.

Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве опирается на принцип акцессорности: ответственность соучастников в значительной степени зависит от действий исполнителя. Однако этот принцип сталкивается с серьёзными вызовами в ситуациях неоконченного преступления и добровольного отказа исполнителя. В таких случаях правоприменителю необходимо определить, в какой мере действия организатора, подстрекателя и пособника сохраняют общественную опасность, если исполнитель не завершил

преступление по собственной воле. Решение этой задачи требует комплексного анализа норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [10], доктринальных подходов и судебной практики.

Соучастие в преступлении — один из ключевых институтов уголовного права, отражающий повышенную общественную опасность деяний, совершаемых не в одиночку, а объединёнными усилиями нескольких лиц. Юридическое закрепление этого института позволяет дифференцировать ответственность участников в зависимости от их роли, а социальное содержание соучастия проявляется в том, что групповые преступления наносят более существенный вред охраняемым общественным отношениям, нередко носят организованный характер и сложнее раскрываются. В данной статье раскрываются социальное значение института соучастия, его юридическая природа, признаки, виды и формы, а также основания ответственности соучастников.

Понятие и признаки соучастия: юридическая сущность

Легальное определение соучастия закреплено в ст. 32 УК РФ: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [10]. Из этой формулировки вытекают основные признаки института: количественный (не менее двух лиц), совместность действий (взаимообусловленность поведения участников), умышленный характер и направленность на совершение умышленного преступления.

Объективные признаки соучастия включают участие в преступлении двух или более субъектов и совместность их деятельности. Совместность означает, что действия (либо бездействие) соучастников находятся в причинной связи с наступившим преступным результатом и взаимно дополняют друг друга: например, один отвлекает внимание охраны, другой вскрывает сейф, третий вывозит похищенное. Без этой взаимообусловленности не возникает единого преступного результата, а значит, нет и соучастия [8, с. 187–189].

Субъективные признаки — это умысел и взаимная осведомлённость участников о характере совершаемого деяния. Соучастие возможно только в умышленных преступлениях: неосторожное сопричинение вреда несколькими лицами не образует соучастия. При этом мотивы и цели соучастников могут различаться (например, подстрекатель действует из мести, а исполнитель — из корысти), но все они должны осознавать общественную опасность своих действий и действий других участников, а также желать либо сознательно допускать наступление общего преступного результата [4, с. 234–236].

Виды и формы соучастия: правовая дифференциация ролей

Уголовный закон (ст. 33 УК РФ) выделяет четыре вида соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник [10]. Исполнитель — центральная фигура: именно он непосредственно совершает преступление либо участвует в нём совместно с другими (соисполнители), либо использует для совершения деяния лицо, не подлежащее уголовной ответственности (посредственное исполнение). Организатор координирует действия группы, разрабатывает план, создаёт преступную структуру либо руководит исполнением.

Подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению (уговорами, угрозами, обещаниями вознаграждения и т. п.), а пособник содействует совершению преступления советами, предоставлением средств, устранением препятствий либо обещанием скрыть преступника или следы преступления [10].

Формы соучастия (ст. 35 УК РФ) отражают степень организованности группы и влияют на квалификацию и наказание: группа лиц без предварительного сговора; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество (преступная организация) [10]. Чем выше степень сплочённости и устойчивости группы, тем выше общественная опасность деяния, что находит отражение в квалифицирующих признаках многих статей Особенной части УК РФ (например, ч. 2 ст. 158 УК РФ

предусматривает более строгое наказание за кражу, совершённую группой лиц по предварительному сговору) [1, с. 98–101].

Юридическая сущность соучастия заключается в том, что закон признаёт преступным не только непосредственное совершение деяния, но и содействие ему. Это позволяет охватить уголовно-правовой оценкой весь спектр ролей, без которых преступление либо не состоялось бы, либо было бы существенно затруднено. При этом ответственность соучастников носит самостоятельный характер: каждый отвечает за свой вклад в преступление, но в пределах общего умысла и при наличии причинной связи его действий с результатом [8, с. 192–194].

Статья 33 УК РФ называет четыре фигуры, стоящие рядом с исполнителем преступления: организатора, подстрекателя и пособника [10]. На первый взгляд это сугубо техническое перечисление, нужное лишь для того, чтобы развести роли внутри общей картины преступного события. Но стоит присмотреться к тому, как закон формулирует каждую роль, и становится ясно: перед нами не каталог действующих лиц, а инструмент измерения общественной опасности конкретного вклада в результат. Именно это измерение и составляет главный смысл деления соучастников на виды — без него квалификация содеянного превратилась бы в формальность, не связанную с тем, что человек реально сделал для наступления преступного последствия.

Исполнитель занимает в этой конструкции центральное место, и не случайно: именно он непосредственно совершает деяние, образующее объективную сторону состава, либо участвует в его совершении совместно с другими лицами, либо использует для достижения результата лиц, не подлежащих уголовной ответственности, — малолетних, невменяемых, действующих под принуждением. Д. М. Молчанов обращает внимание на то, что фигура исполнителя универсальна: она сохраняет своё юридическое значение и там, где соучастия вообще нет, то есть при совершении преступления в одиночку [3, с. 107–122]. Это наблюдение важно для понимания логики всей главы 7 УК

РФ: роли организатора, подстрекателя и пособника существуют лишь постольку, поскольку рядом с ними есть исполнитель (либо посредственный причинитель), чьими руками объективная сторона состава воплощается в действительность. Без этой опорной фигуры вся конструкция соучастия рассыпается на отдельные, юридически незначимые эпизоды.

Организатор стоит в этом ряду особняком, и расхождение между его формальной ролью и фактической опасностью объясняется просто: закон связывает с организатором не одно действие, а управление целым процессом. Статья 33 УК РФ относит к организаторам тех, кто руководил совершением преступления либо создал организованную группу или преступное сообщество и руководил ими [10]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 конкретизирует это применительно к разбою и грабежу: при квалификации действий участников организованной группы ссылка на статью 33 УК РФ не требуется, поскольку их действия охватываются диспозицией соответствующей статьи Особенной части [6]. Для организатора это означает повышенную ответственность без скидки на то, что сам он мог не держать оружия и не входить в помещение жертвы: достаточно того, что преступный результат стал возможен благодаря его планированию и руководству.

Подстрекатель и пособник различаются между собой не степенью вины, а способом причинения: один формирует у другого лица умысел, которого прежде не было, второй — лишь содействует уже возникшему намерению. В. В. Палий подробно разбирает механизмы такого формирования умысла — склонение, вербовку, вовлечение, — показывая, что законодатель использует разные термины не ради стилистического разнообразия, а для описания разных по интенсивности и правовым последствиям способов психологического воздействия на будущего исполнителя [7, с. 114–122]. Подстрекательство путём уговора отличается от вербовки, а вовлечение несовершеннолетнего образует самостоятельный состав именно потому, что воздействие на формирующуюся волю подростка законодатель оценивает строже, чем аналогичное воздействие

на взрослого. Пособник же, согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, содействует совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также заранее обещанным укрывательством преступника, следов преступления или предметов, добытых преступным путём [10]. Здесь важна оговорка: обещание должно предшествовать преступлению, иначе перед нами не соучастие, а самостоятельное прикосновенное преступление — укрывательство по ст. 316 УК РФ [10].

Квалификация действий соучастников строится на принципе, который легко сформулировать, но не всегда легко применить: деяние каждого квалифицируется по той же статье Особенной части, что и деяние исполнителя, но со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ, кроме случаев, когда лицо одновременно выполняло объективную сторону состава (тогда ссылка на ст. 33 не нужна, поскольку перед нами соисполнитель) [9]. Из этого правила вытекает практическое следствие: если исполнитель вышел за пределы согласованного — совершил эксцесс, то есть причинил вред, не охватывавшийся умыслом остальных соучастников, — ответственность за эксцесс несёт только он; организатор, подстрекатель и пособник отвечают в пределах того, что было ими предвидено и желаемо. Учебник под редакцией А. И. Рарога подчёркивает, что ответственность соучастников строится на принципе ограниченной акцессорности: действия каждого самостоятельны по характеру вины, но неразрывно связаны с деянием исполнителя как с условием своего юридического существования [9].

Здесь уместно задать вопрос, который давно занимает теоретиков уголовного права: не ослабляет ли такая зависимость от исполнителя самостоятельность вклада остальных соучастников, превращая организатора и подстрекателя в фигуры второго плана? Н. А. Мельничук, рассматривая теории соучастия в современном российском уголовном праве, показывает, что спор между акцессорной и так называемой самостоятельной концепцией соучастия

далеко не завершён: сторонники самостоятельной ответственности настаивают на том, что каждый соучастник отвечает за собственное виновное деяние независимо от судьбы деяния исполнителя [2, с. 350–354]. Этот довод справедлив в той части, что без вины организатора или подстрекателя их действия вообще не могли бы влечь уголовной ответственности — субъективная сторона у каждого соучастника действительно своя. Но он не опровергает главного: объективно преступный результат наступает через действия исполнителя, и пока этого результата нет (например, покушение не состоялось вовсе из-за добровольного отказа исполнителя), говорить о завершённом соучастии в оконченном преступлении не приходится. Акцессорность здесь ограничена именно потому, что вина остаётся индивидуальной, а связь с исполнителем — объективной предпосылкой квалификации, а не источником вины.

Деление соучастников на четыре вида оказывается, таким образом, не классификационной формальностью, а способом связать степень фактического участия человека в преступлении с объёмом его ответственности. Исполнитель остаётся опорной фигурой, без которой конструкция соучастия не возникает вовсе; организатор отвечает за весь замысел, даже не прикасаясь к предмету преступления; подстрекатель и пособник различаются тем, формируют ли они умысел или лишь содействуют уже сложившемуся намерению. Квалификация через ссылку на ст. 33 УК РФ и правило об эксцессе исполнителя показывают, что закон стремится не уравнять, а точно соразмерить ответственность каждого с его реальным вкладом в преступный результат — и в этой соразмерности, пожалуй, и состоит главный смысл всей конструкции соучастия.

Эксцесс исполнителя: пределы ответственности соучастников

Эксцесс исполнителя — один из наиболее сложных вопросов квалификации при соучастии: от его правильной оценки зависит, будет ли вменён групповой квалифицирующий признак и какой именно состав преступления будет установлен в отношении каждого участника. Для работника

прокуратуры и суда это вопрос не только юридической техники, но и соблюдения принципа вины (ст. 5 УК РФ) [10]: нельзя вменять последствия, которые не охватывались умыслом лица.

Актуальность темы обусловлена тем, что на практике нередко возникают ситуации, когда один из участников преступного сговора выходит за пределы общего умысла, совершая более тяжкое или иное по характеру деяние. В таких случаях важно установить, какие действия охватывались умыслом остальных соучастников, а какие стали результатом самостоятельного решения исполнителя.

Согласно ст. 36 УК РФ, эксцессом исполнителя признаётся совершение исполнителем преступления, не охватывавшегося умыслом других соучастников; за такой эксцесс другие соучастники уголовной ответственности не подлежат [10]. Для квалификации важно, что эксцесс не является разновидностью соучастия, он, напротив, свидетельствует о разрыве общего умысла. Это означает, что действия исполнителя, как самого опасного участника, не могут вменяться иным соучастникам ни как соисполнительство, ни как пособничество.

Периодически в практике прокуратуры и следствия возникает распространённая ошибка — вменять всем участникам более тяжкий состав только на основании того факта, что они совместно участвовали в преступном эпизоде. Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал, что для вменения группового признака необходимо доказать, что более тяжкое деяние (например, насилие или причинение смерти) охватывалось умыслом каждого участника. Если таких доказательств нет, квалификация должна быть дифференцированной [5].

Прокурор при утверждении обвинительного заключения обязан проверить, какие доказательства подтверждают осведомлённость соучастников о применении насилия или иных действиях, выходящих за пределы первоначального плана. Отсутствие таких доказательств является основанием

для исключения квалифицирующего признака «совершено группой лиц» в части эксцесса, поскольку соучастники не предвидели и не желали наступления дополнительных последствий либо совершения иного преступления и, соответственно, не могут нести ответственность за действия исполнителя, вышедшего за пределы общего сговора.

С юридической точки зрения эксцесс разрывает причинно-следственную связь между действиями других соучастников и фактически наступившими последствиями, поэтому вменение такого деяния иным соучастникам означало бы объективное вменение, запрещённое уголовным законом.

В доктрине и сложившейся правоприменительной деятельности принято выделять два основных вида эксцесса: количественный и качественный. Количественный эксцесс имеет место тогда, когда исполнитель совершает однородное с задуманным, но более тяжкое преступление либо причиняет более тяжкий вред, чем охватывалось общим умыслом: например, при договорённости о тайном хищении применяет насилие, опасное для жизни или здоровья. Качественный эксцесс предполагает совершение исполнителем деяния, качественно отличного от согласованного: вместо кражи — грабёж или разбой, вместо причинения вреда здоровью — убийство. В обоих случаях остальные соучастники отвечают лишь за то преступление, которое охватывалось их умыслом, а их действия квалифицируются по статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ [10].

Схожим образом решается вопрос и при неоконченном преступлении. Если исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ), он не подлежит уголовной ответственности, однако организатор, подстрекатель и пособник отвечают за приготовление к преступлению или покушение на него в зависимости от того, на какой стадии был прерван процесс [10]. Отказ исполнителя не аннулирует общественную опасность их вклада: склонение к преступлению и создание условий для его совершения уже состоялись, а потому сохраняют самостоятельное уголовно-правовое значение.

Правило ст. 36 УК РФ в такой ситуации не применяется, поскольку эксцесс предполагает совершение исполнителем иного или более тяжкого деяния, а не отказ от него.

Таким образом, институт соучастия строится на сочетании акцессорного начала и индивидуальной вины: исполнитель задаёт рамки квалификации, но не определяет объём ответственности остальных участников. Именно поэтому законодатель разводит четыре вида соучастников, устанавливает особые правила квалификации их действий (ст. 33 УК РФ) и ограничивает ответственность пределами общего умысла (ст. 36 УК РФ). Такой подход обеспечивает соблюдение принципа вины и исключает объективное вменение, а в практическом плане ориентирует прокурора и суд на тщательное исследование субъективной стороны каждого участника группового преступления.

Библиографический список использованных источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Лебедева. – Москва: Юрайт, 2024. – С. 98–101.

2. Мельничук Н. А. Теории соучастия, их роль в современном уголовном праве РФ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 350–354.

3. Молчанов Д. М. Исполнитель преступления в соучастии и без соучастия: универсальная роль в многообразии юридических конструкций // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 3. – С. 107–122.

4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. – Москва: Волтерс Клувер, 2022. – С. 234–236.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://legalacts.ru/sud/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-1-2021/ (дата обращения: 20.10.2026).

6. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

7. Палий В. В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 12. – С. 114–122.

8. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. – Москва: Проспект, 2023. – С. 187–194.

9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 941 с.

10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

УДК 343.2/.7

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

Позднякова Виктория Игоревна,
Магистрант Юридического факультета
Юго-Западного государственного университета,
г. Курск, Россия,
viktoriapozd@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются причины и условия вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Систематизируются факторы уязвимости подростков, описываются механизмы вербовки и предлагается авторская типология несовершеннолетних. На примере уголовных дел анализируется субъективная сторона вовлечения. Обосновывается вывод о признании вовлечения оконченным с момента выполнения первого задания куратора.

Ключевые слова: вербовка, вовлечение, «группы смерти», деструктивные интернет-сообщества, киберсоциализация, куратор, несовершеннолетние, склонение к суициду.

CAUSES AND CONDITIONS OF INVOLVEMENT OF MINORS IN DESTRUCTIVE ONLINE COMMUNITIES

Pozdnyakova Viktoria Igorevna,
Master’s student at the Faculty
of Law Southwest State University,
Kursk, Russia,

viktoriapozd@mail.ru

Abstract: The article examines the causes and conditions under which minors become involved in destructive online communities. The factors that make teenagers vulnerable are systematized, recruitment mechanisms are described, and the author's typology of minors is proposed. Using the example of criminal cases involving the organization of «death groups» and an attack on a school in Kazan, the subjective side of involvement is analysed. Special attention is paid to the judicial practice in the Kursk region. The conclusion is substantiated that involvement is considered to be completed from the moment the first task assigned by the curator is carried out.

Keywords: recruitment, involvement, «suicide groups», destructive online communities, cyber-socialization, curator, minors, inciting to suicide.

В последние годы широко активизировалась деятельность деструктивных сообществ в цифровом пространстве, направленная на вовлечение несовершеннолетних в суицидальные, экстремистские и криминальные практики. Как отмечает Президент РФ В.В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД в марте 2026 года, тревогу вызывает рост тяжких преступлений среди подростков, доля которых превысила 40%, при этом почти треть всех преступлений несовершеннолетних совершена с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [13]. По данным МВД России, по итогам 2025 года общее число преступлений, совершённых несовершеннолетними и при их соучастии, достигло 29 тысяч, увеличившись на 10,1% по сравнению с предыдущим годом – впервые за десятилетие зафиксирован устойчивый рост подростковой преступности [5].

Особую тревогу вызывает структура этого роста. Как сообщил начальник отдела по предупреждению распространения деструктивной и запрещённой информации в интернете управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК) МВД

России Антон Растащенов, около 50 несовершеннолетних совершили в первом полугодии 2026 года преступления террористического характера – это на 28% больше, чем годом ранее. По его словам, мошеннические действия за тот же период совершили порядка 494 несовершеннолетних – рост составил 40% по сравнению с прошлым годом. Количество несовершеннолетних, причастных к совершению IT-преступлений, в первом полугодии 2026 года достигло 2623 человек – примерно на 20% больше, чем за аналогичный период годом ранее. Число несовершеннолетних потерпевших по всем видам IT-преступлений составило порядка 6 тысяч, что на 35,5% превышает показатель 2025 года; отдельно от мошенничества пострадали порядка 1877 подростков – на 3,9% больше, чем годом ранее [6].

Масштабы этой угрозы подтверждаются данными концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года: численность несовершеннолетних, ставших участниками преступлений террористического характера, выросла с 30 человек в 2022 году до 249 в 2025 году, а вовлечённых в экстремистские действия с 87 до 142 человек [10]. Вербовка ведётся через мессенджеры и социальные сети, при этом целью ставится не только причинение вреда конкретному подростку, но и подрыв традиционных институтов социализации – семьи, школы, государства.

Отправной точкой в осмыслении этой проблемы стало уголовное дело Филиппа Будейкина, в сети известным, как Филипп Лис – организатора так называемых «групп смерти» в социальной сети «ВКонтакте» («Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20»), по версии следствия, причастного к доведению до самоубийства несовершеннолетних [17]. В 2017 году суд признал Будейкина виновным в доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и назначил ему наказание в виде 3 лет 4 месяцев колонии-поселения. Однако именно это дело наглядно продемонстрировало пробел в уголовном законе: на момент совершения деяния специальной нормы, устанавливающей ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к суициду, ещё не

существовало. Реакцией законодателя стало введение в июне 2017 года статьи 110.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию такой деятельности. Данное дело со всей остротой актуализирует научную дискуссию о причинах и условиях вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Если объективная сторона вовлечения (психологическое воздействие, выдача заданий, шантаж) во многом совпадает с классическим склонением к суициду или вербовкой, то субъективная направленность умысла и цель деятельности куратора кардинально различаются.

Не менее показательным является дело о вооружённом нападении на школу в г. Казань (2021 г.), в ходе расследования которого было установлено, что несовершеннолетний И. Галявиев прошёл идеологическую подготовку в закрытых интернет-сообществах, посвящённых так называемому скулшутингу, где получил одобрение своих намерений и детальные инструкции [9]. Данный случай иллюстрирует второй вектор деструктивного воздействия – не суицидальный, а агрессивно-экстремистский, – и подтверждает, что одни и те же механизмы вербовки могут обслуживать принципиально разные деструктивные цели.

Эффективное предупреждение и пресечение подобного рода противоправных явлений, ставших для современного российского общества относительно новым вызовом, невозможно без подробного и тщательного анализа причин и условий вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Рассмотрению этих детерминант и посвящена настоящая статья.

Анализ научной литературы и материалов правоприменительной практики позволяет выделить две группы детерминант, определяющих уязвимость подростка перед деструктивным влиянием: внутренние, отражающие возрастно-психологические особенности, и внешние, характеризующие социальную среду.

Первую группу образуют внутренние (возрастно-психологические) факторы. Подростковый возраст традиционно характеризуется кризисом

идентичности, описанным Э. Эриксоном: поиск себя, экспериментирование с ролями, потребность в признании со стороны значимых других. Как отмечал Эриксон, двумя основными вопросами, встающими перед молодым человеком, являются: «Кто Я такой?» и «Как Я впишусь в мир взрослых?» [20, с. 112]. Подросток особенно восприимчив к внешним влияниям, предлагающим простые и ясные ответы на сложные экзистенциальные вопросы [20, с. 128]. Д.И. Фельдштейн подчёркивал, что на определённых этапах взросления у подростка обостряется потребность в самоутверждении и признании своей социальной значимости [18, с. 89]. Если эта потребность не находит удовлетворения в реальной жизни, подросток ищет альтернативные пространства, где может получить желанное признание. Деструктивное интернет-сообщество умело эксплуатирует эту потребность, предлагая ощущение избранности, тайного знания и принадлежности к группе «посвящённых».

Специфическим фактором уязвимости является «иллюзия цифровой компетентности», описанная Г.У. Солдатовой и Е.И. Рассказовой: подростки могут считать себя опытными пользователями, поверхностно осваивая множество онлайн-деятельностей, но не обладая глубокими знаниями о рисках и способах защиты [15, с. 55]. По данным исследователей, 49,6% российских подростков сообщают о негативном онлайн-опыте, что значительно превышает среднеевропейский показатель в 32,4% [16]. Этот разрыв между активностью и компетентностью создаёт питательную среду для деструктивного воздействия. Подросток не способен распознать манипуляцию, отличить игру от реальной угрозы, доверяет авторитетам в сети без должной проверки.

Второй внутренний фактор – эмоциональная нестабильность и импульсивность. Как отмечается в исследованиях суицидального поведения, значительная часть суицидальных подростков характеризуется импульсивностью и расстройствами настроения [14]. Подросток склонен к рискованному поведению, поиску острых ощущений и недооценке последствий

своих действий, что делает его восприимчивым к манипулятивным приёмам кураторов деструктивных сообществ.

Третий внутренний фактор – дефицит признания и самореализации в реальной жизни. Как показывает анализ виктимологического портрета лиц, подвергшихся склонению к суициду через интернет, важнейшими элементами уязвимости являются несовершеннолетний возраст и наличие затяжной стрессовой ситуации [7]. Неудачи в школе, конфликты в семье, отсутствие друзей компенсируются иллюзией значимости и власти в виртуальном пространстве.

Вторую группу образуют внешние (социальные) условия. Первое условие – это семейное неблагополучие. С.А. Беличева, разрабатывая основы превентивной психологии, охарактеризовала прямые и косвенные десоциализирующие влияния семьи, школы и неформальных подростковых групп, показав, что именно семья является первичным институтом, сбои в котором запускают цепочку дезадаптации [2, с. 40-50]. Психологи отмечают, что такие факторы, как нездоровые семейные отношения, пренебрежение и жестокое обращение, отсутствие любви и заботы в детстве, развод родителей, могут вызвать чувство беспомощности и отсутствия контроля над ситуацией и потенциально увеличить риск суицида. Доказано, что суицидальные идеи и попытки самоубийства появляются чаще у тех детей и подростков, которые были жертвой жестокого обращения взрослых, особенно со стороны близких родственников [12].

Второе условие – школьная среда. Буллинг, изоляция в классе, неуспеваемость, формальный подход к воспитательной работе создают у подростка ощущение отверженности. Как отмечается в исследованиях цифровой социализации, социальный статус подростка коррелирует с характером его онлайн-активности: «одиночки» могут пытаться компенсировать дефицит реального общения через интернет, что делает их особенно уязвимыми для деструктивного влияния [16, с. 18]. Кибербуллинг, являясь прямым

продолжением школьной травли в цифровом пространстве, усугубляет эту уязвимость.

Третьим условием выступает влияние сверстников. Механизм «за компанию», страх стать изгоем, подражание более авторитетным сверстникам могут подтолкнуть подростка к вступлению в деструктивное сообщество даже при отсутствии выраженных психологических проблем. П. А. Ганишева, анализируя виктимологический портрет жертв «групп смерти», отмечает, что потенциальные жертвы – преимущественно «домашние» дети, относительно хорошо обеспеченные материально, но не имеющие постоянных тесных контактов с занятыми на работе родителями. Важнейшим элементом уязвимости является отсутствие внешнего контроля, который выражается в уверенности преступника, что его потребность будет удовлетворена и ничто извне ему не помешает [7].

Четвёртое условие – доступность деструктивного контента. Отсутствие эффективной возрастной фильтрации, алгоритмы рекомендаций, ведущие к радикализации, анонимность и ощущение безнаказанности в сети создают благоприятную среду для вербовки. Как отмечает О.В. Артюшина, интернет становится всё более востребованным при совершении преступлений против жизни и здоровья, так как для преступника причинить вред таким способом психологически более комфортно: нажать на кнопку компьютера проще, чем наносить удары ножом. Помимо этого, виновное лицо задействует минимальное количество физических и эмоциональных сил при сохранении результативности достижения преступного умысла [1, с. 81].

Особую роль играют механизмы трансгрессии, иными словами «перехода непроходимой границы между возможным и невозможным». Виртуальная реальность превращается в пространство, где можно наслаждаться анонимной свободой, создавать группы, находить единомышленников, получать понимание и поддержку, а также обретать власть над другими пользователями, чего часто невозможно достичь в офлайновом режиме. Для подростка, испытывающего

трудности в реальной социализации, трансгрессивный переход в виртуальное пространство становится способом преодоления «непреодолимого барьера», выходом за пределы допустимого, включая границы собственной жизни.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в деструктивное интернет-сообщество является результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Ключевой уязвимостью подростка выступает неудовлетворённость базовых потребностей, а именно, в признании, принадлежности, безопасности, которую деструктивное сообщество умело эксплуатирует, предлагая иллюзорное решение реальных психологических проблем.

Сам процесс вовлечения в деструктивное интернет-сообщество представляет собой последовательность этапов, каждый из которых решает определённую задачу куратора.

На первом этапе подросток размещает на своей странице тематические хэштеги (#синийкит, #хочувигру, #тихийдом), сигнализируя о готовности к участию. На втором, с ним связывается куратор через анонимный аккаунт. Парадоксально, но он не настаивает на участии, а скорее «отговаривает», что создаёт атмосферу избранности и тайного знания. На третьем этапе выдаются первые, внешне безобидные задания: нарисовать кита, посмотреть видео, прослушать музыку. Выполнив их и отправив подтверждение, подросток психологически соглашается на дальнейшее руководство. Четвёртый этап – эскалация: задания усложняются (порезы, депривация сна, изоляция от близких), сопротивление подростка ослабевает. На пятом этапе следует финальное задание – суицид [19].

Однако механизмы вовлечения лишь одна сторона проблемы. Не менее важным представляется вопрос о том, какие меры противодействия уже применяются на практике и насколько они эффективны. В этом контексте показателен опыт Курской области, где ситуация с подростковой преступностью демонстрирует устойчивое снижение.

Обращение к региональной практике Курской области представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, реализация федерального проекта «Подростки России» демонстрирует положительную динамику: по данным Уполномоченного по правам ребёнка в регионе, подростковая преступность за год уменьшилась на 40%, что связывается с открытием подростковых пространств на базе ДОСААФ и социально-реабилитационного центра в Щиграх [3]. Это свидетельствует о том, что создание позитивных альтернатив для подростков: досуговых, спортивных, творческих – является действенным инструментом профилактики.

С другой стороны, статистическое снижение не означает отсутствия проблемы вовлечения в деструктивные интернет-сообщества. Как показывает анализ региональной следственной практики, устойчивой является квалификация деяний кураторов деструктивных сообществ по ст. 110.2 УК РФ, при этом в теории и правоприменительной практике обосновывается позиция, согласно которой преступление следует признавать оконченным с момента выполнения подростком первых заданий, независимо от наступления деструктивных последствий. Данная позиция согласуется с разъяснениями о моменте окончания склонения и вербовки применительно к ст. 205.1 и 282.1 УК РФ, где преступление считается оконченным с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление [11]. Представляется, что аналогичный подход должен быть последовательно закреплён и для суицидальных сообществ.

Изложенное подводит к необходимости определения основных направлений профилактической работы, которая должна носить комплексный характер и вестись одновременно по нескольким линиям.

Первичная роль принадлежит семье, поскольку именно сбои в семейной социализации выступают, как было показано, ключевым условием уязвимости. Родителям важно формировать доверительные отношения с подростком и интересоваться его онлайн-жизнью – без тотального контроля, который лишь

подталкивает к скрытности. Существенное значение имеет раннее выявление маркеров вовлечённости: закрытости, изменения круга общения, появления символики, следов самоповреждений, нарушений сна. Обучение родителей цифровой грамотности могло бы стать частью государственных программ поддержки семьи.

Вторым по значимости институтом социализации остаётся школа. Здесь целесообразно введение уроков медиаграмотности, формирующих навыки критического восприятия контента, а также подготовка педагогов-психологов к работе с деструктивными материалами. Показателен опыт Курской области, где в рамках декады «Безопасность» с обучающимися 6-9 классов проводились специальные беседы о скулшутинге [8]. Подобные мероприятия, однако, должны носить не разовый, а системный характер.

Не менее важна работа с самим подростком. Ключевая задача – развитие критического мышления и формирование устойчивой идентичности. Подросток должен научиться распознавать манипуляцию и понимать, что предложение «тайного знания» или «игры» – это инструмент управления, а не проявление внимания. Психологическая поддержка при этом должна быть доступной и не стигматизированной.

Отдельного внимания требуют технические и правовые меры: ужесточение ответственности платформ за модерацию деструктивного контента, развитие систем мониторинга деструктивных сообществ, межведомственное взаимодействие (МВД, Роскомнадзор, школы, НКО). Как отмечается в литературе, положения Федерального закона № 182-ФЗ нуждаются в доработке: профилактические мероприятия должны носить обязательный характер, поскольку снижают риск для лица стать жертвой преступления [4].

Наконец, виктимологическая профилактика предполагает особое внимание к подросткам, находящимся в затяжной стрессовой ситуации, поскольку жертвами становятся преимущественно «домашние» дети, не имеющие постоянных тесных контактов с родителями. Раннее вмешательство в

кризисные периоды (потеря близкого, конфликт в школе, развод родителей) способно предотвратить вовлечение.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Вовлечение несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества – результат взаимодействия внутренних и внешних факторов. Ключевой уязвимостью подростка выступает неудовлетворённость базовых потребностей (в признании, принадлежности, безопасности), которую деструктивное сообщество умело эксплуатирует. Возрастной кризис идентичности, «иллюзия цифровой компетентности», эмоциональная нестабильность и дефицит признания создают предрасположенность к вовлечению, а семейное неблагополучие, школьная дезадаптация и доступность деструктивного контента превращают её в реальное действие.

Механизм вовлечения представляет собой «воронку вербовки», от маркировки и установления контакта до эскалации и финализации. Психологические приёмы (эксклюзивность, компенсация дефицита внимания, шантаж, депривация сна) направлены на разрушение критического мышления и воли подростка к сопротивлению.

Судебная практика демонстрирует тенденцию к квалификации деяний кураторов по ст. 110.2 УК РФ с признанием преступления оконченным с момента выполнения первых заданий. Однако эта позиция не закреплена в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, что создаёт риск разнообразия правоприменения.

Профилактическая работа должна носить комплексный характер и вестись по нескольким направлениям – семейная и школьная профилактика, работа с подростком, технические и правовые меры, виктимологическая профилактика. Только системное взаимодействие всех институтов социализации способно снизить уязвимость несовершеннолетних перед деструктивным влиянием цифровой среды.

Библиографический список использованных источников

1. Артюшина О. В. Насильственная преступность и IT-технологии // Юридическая наука. – 2019. – № 1. – С. 77-84.

2. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева; ред. Б. Ю. Шапиро. – Москва: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1993. – 198 с.

3. В Курской области количество преступлений в отношении детей уменьшилось на 12% [Электронный ресурс] // KURSKCiTY. – 2025. – 24 апреля. – URL: https://riakursk.ru/v-kurskoy-oblasti-umenshaetsya-podrostkovaya-prestupnost-no-uvelichivaetsya-kolichestvo-ottsov-odinochek/ (дата обращения: 15.09.2026).

4. В России ввели обязательную идентификацию владельцев сайтов через ЕСИА [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2026. – 1 сентября. – URL: https://ria.ru/20260901/sayty-2114499704.html?ysclid=mu5idykifv557795088 (дата обращения: 15.09.2026).

5. В России в 2025 году несовершеннолетними совершено 29,1 тысячи преступлений [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2026. – 2 июня. – URL: https://ria.ru/20260602/rossija-2096111723.html (дата обращения: 09.09.2026).

6. В России резко выросло число подростков-террористов [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2026. – 13 сентября. – URL: https://www.mk.ru/incident/2026/09/13/v-rossii-rezko-vyroslo-chislo-podrostkovterroristov.html (дата обращения: 14.09.2026).

7. Ганишева П. А. «Группы смерти». Взгляд через призму теории рутинных действий // Право и политика. – 2021. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gruppy-smerti-vzglyad-cherez-prizmu-teorii-rutinnyh-deystviy (дата обращения: 14.09.2026).

8. Декада «Безопасность» [Электронный ресурс] // МКОУ «Котовская ООШ». – 2025. – 22 января. – URL: https://pri-kot.gosuslugi.ru/roditelyam-i-uchenikam/novosti/novosti-193_556.html (дата обращения: 15.09.2026).

9. Дело о расстреле в школе Казани: более 600 потерпевших [Электронный ресурс] // РИА Новости Крым. – 2021. – 10 декабря. – URL:

https://crimea.ria.ru/20211210/delo-o-rasstrele-v-shkole-kazani-bolee-600-poterpevshikh-1121701955.html (дата обращения: 14.09.2026).

10. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года и плана мероприятий на 2026-2036 годы по её реализации: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 мая 2026 г. № 1272-р // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 23. – Ст. 3456.

11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

12. Панарина Н. А. Памятка для родителей по профилактике деструктивного и аутодеструктивного поведения подростков [Электронный ресурс] / Н. А. Панарина. – 2023. – 12 ноября. – URL: https://psychologist-ramganusovskaya.edumsko.ru/articles/post/3346285 (дата обращения: 13.09.2026).

13. Путин заявил о росте тяжких преступлений среди подростков [Электронный ресурс] // РБК. – 2026. – 4 марта. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69a819169a79478057bfd091 (дата обращения: 09.09.2026).

14. Руденко Е. С. Формы и факторы суицидального поведения подростков // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-faktory-suitsidalnogo-povedeniya-podrostkov (дата обращения: 14.09.2026).

15. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 50-60.

16. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 11-30.

17. Суд арестовал администратора «группы смерти» в соцсети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // ТВ Центр. – 2016. – 15 ноября. – URL: http://www.tvc.ru/news/104714 (дата обращения: 14.09.2026).

18. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избр. тр. / Д. И. Фельдштейн. – 2-е изд. – Москва: Моск. психол.-соц. ин-т: Флинта, 2004. – 670 с.

19. Чернавцева Л. Г. Памятка для родителей «Сетевые игры суицидальной направленности» [Электронный ресурс] // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. – 2017. – 23 декабря. – URL: https://nsportal.ru/blog/shkola/obshcheshkolnaya-tematika/all/2017/12/23/pamyatka-dlya-roditeley-setevye-igry (дата обращения: 15.09.2026).

20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – Москва: Флинта: Прогресс: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии).

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЦИД (СТ. 358 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Богачева Милана Юрьевна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
milashkaboga@mail.ru
Яковлева София Александровна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
sofiyayakovleva1005@ya.ru
Научный руководитель:
Куликова Ольга Валентиновна
к.ю.н., доцент кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
kulikovaov.sgap@rambler.ru

Аннотация: в статье анализируется статья 358 УК РФ, предусматривающая ответственность за экоцид, в том числе элементы состава преступления и дискуссионные вопросы формы вины. Отмечается отсутствие толкования оценочных понятий «массовость», «отравление» и «экологическая катастрофа»

в современном российском законодательстве. Приводится соотношение экоцида со смежными составами.

Ключевые слова: доктрина, квалификация экоцида, уголовная ответственность, форма вины, экологическая катастрофа, экологические преступления, экоцид.

CRIMINAL LIABILITY FOR GENOCIDE (ART. 358 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND DISTINGUISHING FROM RELATED OFFENSES

Bogacheva Milana Yuryevna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
milashkaboga@mail.ru
Yakovleva Sofia Alexandrovna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
sofiyayakovleva1005@ya.ru
Scientific advisor:
Kulikova Olga Valentinovna
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Land and Environmental Law
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
kulikovaov.sgap@rambler.ru

Abstract: the article analyzes Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for ecocide, including the elements of the crime

and debatable issues related to the form of guilt. It notes the absence of an interpretation of the evaluative concepts of «massiveness», «poisoning» and «ecological disaster» in modern Russian legislation. The relationship between ecocide and related offenses is also examined.

Keywords: doctrine, ecocide qualification, criminal liability, form of guilt, environmental disaster, environmental crimes, ecocide.

Статья 358 Уголовного кодекса Российской Федерации (гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества») устанавливает ответственность за массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу [9]. Наказание предусматривает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, а срок давности привлечения к ответственности не применяется. Несмотря на столь суровую санкцию, норма остаётся фактически «спящей», так как за весь период её действия не было вынесено ни одного обвинительного приговора. Например, в августе 2021 года Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по ст. 358 УК РФ, что было связано с фактом перекрытия Северо-Крымского канала, но публичная информация о доведении его до суда и вынесении приговора отсутствует [7].

При этом, актуальность статьи подтверждается участившимися в последние годы обращениями граждан с требованиями о возбуждении дела по ст. 358 УК РФ. Так, в апелляционном определении Кинешемского городского суда Ивановской области от 15 декабря 2025 г. упоминается, что гражданин обращался в прокуратуру и полицию с просьбой о возбуждении уголовного дела по ст. 358 УК РФ в связи с массовым замором рыбы и гибелью ценных пород, однако безрезультатно [1]. Кроме того, в решении Центрального районного суда г. Новокузнецка от 30 июля 2025 г. по делу №2-5832/2024 упоминается

требование о возбуждении следственными органами дела по ст. 250, 293 и 358 УК РФ в отношении депутатов и должностных лиц [6].

Родовой объект экоцида представлен отношениями по обеспечению безопасности человечества, видовой – экологической безопасностью как условием выживания человечества. Непосредственный объект же – отношения по обеспечению безопасности от конкретных угроз экологического характера. Дополнительными объектами являются общественные отношения по охране растительного и животного мира, атмосферы, водных ресурсов и иных компонентов неживой природы [8, с. 98].

Объективная сторона преступления характеризуется тремя альтернативными группами действий: массовое уничтожение растительного или животного мира; отравление атмосферы или водных ресурсов; иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу [3, с. 46].

Следует подчеркнуть, что в доктрине нет единого мнения по поводу конструкции состава рассматриваемого преступного деяния. Так, одни авторы определяют его как формальный, указывая, что преступление окончено с момента совершения самого деяния, вне зависимости от наступления последствий [3, с. 48]. Другие же считают состав формально-материальным (состав «угрозы» или реальной опасности), когда преступление окончено с момента создания угрозы наступления экологической катастрофы [2, с. 21]. Третья позиция обосновывает формально-альтернативный характер состава с возможностью его проявления как в виде единичного актового, так и продолжаемого преступления [8, с. 114].

Основная проблема объективной стороны, как видится, состоит в отсутствие закрепления в законодательстве оценочных понятий, таких как «массовость», «отравление», «экологическая катастрофа». Ни в тексте УК РФ, ни в специальном экологическом законодательстве данные термины детально не расшифрованы. Например, ч 2 ст. 250 УК РФ содержит понятие «массовая гибель животных», что создаёт правовую коллизию при разграничении нормы этой

статьи с положениями ст. 358. При этом, следует отметить, что судебная практика (а именно – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. №21) определяет массовую гибель (заболевание) животных как превышение среднестатического уровня гибели в три и более раза, но это напрямую относится к ст. 246 УК РФ, не затрагивая ст. 358 [5].

Субъектом экоцида признаётся физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. При этом, реальным субъектом экоцида, как видится, может быть лицо, обладающее значительными властными полномочиями или большими ресурсами для совершения подобного преступления.

Дискуссии вызывает вопрос о форме вины, так как диспозиция ст. 358 УК РФ не содержит на неё никакого прямого указания. Наиболее вероятным здесь является прямой или косвенный умысел, так как сама суть преступления вряд ли может быть связана с неосторожностью.

Важным является и вопрос ограничения экоцида от смежных составов преступлений, в частности, от экологических преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ (ст. 246-254). Основное различие здесь состоит в объекте посягательства и масштабах вреда. Экологические преступления посягают на экологическую безопасность как условие благополучия жизнедеятельности людей (гл. 26 посвящена охране отношений в сфере охраны окружающей среды и природопользования), а экоцид, как уже было сказано ранее, на экологическую безопасность как условие выживания человечества.

При экоциде вред должен достигать уровня, способного вызвать экологическую катастрофу, а при экологических преступлениях достаточно причинения существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (ч. 1 ст. 250 УК РФ).

С точки зрения предмета посягательства ст. 358 УК РФ охватывает растительный и животный мир, атмосферу, водные ресурсы, а также открытый перечень «иных действий», что делает её существенно шире по предмету, но требует качественного иного уровня угрозы. Экологические преступления же

несколько «уже» (ст. 250 УК РФ охватывает поверхностные и подземные воды, ст. 251 – атмосферный воздух, ст. 252 – морскую среду, ст. 254 – землю).

Из этого исходит, что экоцид, вероятно, может быть совокупностью экологических преступлений (например, загрязнение морской среды, которое повлекло за собой последствия для земли, атмосферного воздуха и животного мира как продолжаемое преступление). Следовательно, возникает конкуренция между нормой-частью (нормы, предусмотренные гл. 26 УК РФ) и нормой-целым (ст. 358 УК РФ), что фактически лишает норму об экоциде самостоятельного применения.

Актуальным является и отграничение нормы ст. 358 УК РФ от ст. 356 УК РФ (применение запрещённых средств и методов ведения войны). Если экоцид совершён в военное время с применением соответствующих средств и методов (в том числе, оружия массового поражения), содеянное квалифицируется по совокупности ст. 356 и ст. 358 УК РФ. Разграничение здесь осуществляется преимущественно по объективной стороне, так как ст. 356 охватывает применение конкретных «инструментов» ведения войны, а ст. 358 – массовое уничтожение природы, вне зависимости от применяемого средства (химического, биологического и прочих видов оружия).

Обобщение доктрины и правоприменительной практики даёт возможность выделить некоторые проблемы квалификации и отграничения экоцида от смежных составов преступлений. Существенную трудность вызывает отсутствие закреплённых в законе определений терминов, используемых в ст. 358 УК РФ, что затрудняет использование данных критериев для оценки совершённого преступного деяния. Ситуацию усугубляет неопределённость формы вины, так как отсутствие в диспозиции ст. 358 УК РФ прямого указания на умысел или неосторожность приводит к тому, что дела, потенциально подпадающие под признаки экоцида, могут быть квалифицированы по статьям гл. 26 УК РФ, где форма вины определена более гибко. Отсюда важно заметить и наличие явной конкуренции с нормами вышеупомянутой главы. Так как составы ст. 250-252,

254 УК РФ охватывают, по сути, аналогичные действия (загрязнение вод, атмосферы, морской среды, порча земли), правоприменитель отдаёт предпочтение квалификации по специальным нормам (в том числе, по их совокупности), что «блокирует» применение ст. 358 УК РФ.

В связи с этим, видится необходимым расшифровать и закрепить термины ст. 358 (преимущественно – термин «экологическая катастрофа») в примечании к ст. 358 УК РФ либо в отдельной статье Федерального закона «Об охране окружающей среды», увязав его с необходимыми критериями на основании анализа международной практики.

Второй шаг – уточнение формы вины, а именно включение в ст. 358 указания на умышленную форму вины (прямой умысел), что будет соответствовать тяжести преступления и, как видится, несколько отграничивать его от преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ.

Также представляется важным предоставление Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений по вопросам квалификации экоцида и его отграничения от смежных составов в целях обеспечения единообразия и эффективности правоприменения.

Как показал проведённый анализ, ст. 358 УК РФ остаётся в отечественном законодательстве преимущественно декларативной нормой. Её санкция и отсутствие сроков давности отражают признание экоцида в качестве одного из наиболее опасных посягательств, но при этом оценочный характер диспозиции, неопределённость формы вины и прямая конкуренция с нормами главы 26 УК РФ фактически лишают её самостоятельного правоприменительного значения. Единичные упоминания в судебных актах связаны либо с отказами в возбуждении дел, либо с констатацией самого факта начала уголовного производства, и не приводят к обвинительному приговору. Преодоление этой ситуации, как предполагается, требует законодательного раскрытия ключевых терминов, прежде всего «экологическая катастрофа», прямого указания на умышленную форму вины и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по

вопросам квалификации и отграничения экоцида от смежных составов. Без таких шагов норма сохранит статус потенциального, но фактически неработающего инструмента уголовно-правовой охраны окружающей среды.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение Ивановского областного суда Ивановской области № 33А-2711/2025 от 15 декабря 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/x7RFQGkfOCxX/?ysclid=mumcqiao6796572973 (дата обращения: 23.09.2026).

2. Гаспарян Р. А. Экоцид: проблемные вопросы квалификации // Молодой ученый. 2023. № 21 (468). С. 252-254.

3. Гончарова Ю.О. Экоцид (ст. 358 УК РФ): нормативный анализ, техника конструирования состава преступления, вопросы разграничения с иными посягательствами против мира и безопасности человечества // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: АПНИ, 2020. С. 46-49.

4. Кибальник А. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20-22.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета, 31 октября 2012 г. № 251.

6. Решение Центрального районного суда г. Новокузнецка от 30 июля 2025 г. по делу №2-5832/2024 // Закон.РФ. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-792c3afd-837f-53e7-9337-4db1b7e19e30/ (дата обращения: 23.09.2026).

7. Следственный комитет возбудил дело по редкой статье «экоцид» // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/08/25/reg-ufo/sledstvennyj-komitet-vozbudil-delo-

po-redkoj-state-ekocid.html?ysclid=mumd6lkb5h705629768 (дата обращения: 23.09.2026).

8. Углова, Е. А. Экоцид: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. … канд. юрид. наук / Углова Евгения Анатольевна; науч. рук. О. С. Кучин ; Рос. новый ун-т. Москва, 2026. 254 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2026. № 32. Ст. 4497.

УДК 504.75

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Чайковская Арина Артёмовна,
студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
arishka281108@mail.ru
Грищенко Максим Антонович,
студент 4 курса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
gmaxai@bk.ru
Научный руководитель:
Куликова Ольга Валентиновна
к.ю.н., доцент кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия,
kulikovaov.sgap@rambler.ru

Аннотация: в статье анализируется обновление нормативной базы и практика арбитражных судов. Выделены проблемы критериев отнесения технологий к объектам экспертизы, подвижности границ судебного контроля и ограниченного влияния общественной экспертизы. Обоснована необходимость формализации оснований оспаривания заключений и расширения общественного участия для усиления превентивного потенциала экспертизы.

Ключевые слова: государственная экспертиза, негативное влияние, общественная экспертиза, окружающая среда, предупредительный механизм, экологическая экспертиза, экспертиза технологий.

ENVIRONMENTAL ASSESSMENT AS A MECHANISM FOR PREVENTING NEGATIVE ENVIRONMENTAL IMPACTS

Chaykovskaya Arina Artyomovna,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
arishka281108@mail.ru
Grishchenko Maxim Antonovich,
4rd year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
gmaxai@bk.ru
Scientific advisor:
Kulikova Olga Valentinovna
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Land and Environmental Law
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
kulikovaov.sgap@rambler.ru

Abstract: the article analyzes the updating of the regulatory framework and the practice of arbitration courts. The problems related to the criteria for classifying technologies as objects of expert examination, the flexibility of the boundaries of judicial control, and the limited influence of public expert examination are highlighted. The need to

formalize the grounds for challenging conclusions and to expand public participation in order to enhance the preventive potential of expert examination is substantiated.
Keywords: state expertise, negative impact, public expertise, environment, preventive mechanism, environmental expertise, technology expertise.

Предупреждение вреда окружающей среде обходится меньшими потерями, чем ликвидация последствий уже нанесённого ущерба. Эта мысль лежит в основе института экологической экспертизы, правовая база которого закреплена Федеральным законом от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [8] и Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [7]. В законодательстве экологическая экспертиза понимается как установление соответствия документов, обосновывающих планируемую хозяйственную деятельность, требованиям в области охраны природы. Смысл процедуры заключается в том, чтобы выявить опасные решения до того, как они будут воплощены в объекты капитального строительства и технологии. Процедура оценки начинается с предварительного этапа, продолжается подготовкой технического задания и проведением исследований, после чего следуют подготовка предварительных материалов, уведомление уполномоченных органов о проведении общественных обсуждений и сами обсуждения, размещение окончательных материалов в открытом доступе. Результат проверки – заключение государственной экологической экспертизы, где отрицательное заключение является запретом на реализацию того или иного объекта.

Следует подчеркнуть, что нормативная основа института за последние несколько лет заметно обновилась. В частности, действуют изменения, внесённые Федеральным законом от 25 декабря 2023 года № 673-ФЗ [6], Положение о проведении государственной экологической экспертизы (Постановление Правительства РФ от 28 мая 2024 года № 694) [3], Правила проведения оценки воздействия на окружающую среду (применяются с 1 марта

2025 года, установлены Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2024 года № 1644) [4]. С 1 сентября 2025 года перечень объектов экспертизы также был дополнен проектами технической документации на технологии, использование которых может воздействовать на окружающую среду по критериям, утверждаемым Правительством РФ.

Превентивная, упреждающая сила заключения экспертной комиссии опирается на его обязательность. В соответствии со ст. 18 Федерального закона № 174-ФЗ, отрицательное заключение закрывает путь к реализации проекта, то есть заказчик не может начать строительство, реконструкцию или внедрение какой-либо технологии, пока не устранит выявленные риски и не получит одобрение экспертов на свои действия. Экспертиза действует как своеобразный «фильтр», который отсекает опасные решения на стадии замысла. Согласно ст. 14 вышеназванного закона и Положению, утверждённому Постановлением Правительства РФ № 694, экспертные комиссии формируются по каждому конкретному объекту экспертизы отдельно и включают в себя внештатных экспертов и штатных сотрудников Росприроднадзора или его территориальных органов. Срок проведения экспертизы для подавляющего большинства объектов составляет 42 рабочих дня и может быть продлён по заявлению заказчика до 20 рабочих дней. Для документации, обосновывающей хозяйственную и иную деятельность в области аквакультуры, существует исключение, и максимальный срок проведения экспертизы здесь вдвое меньше «стандартного» – всего 20 рабочих дней.

Отдельного внимания в рамках рассматриваемой проблемы заслуживает оценка воздействия на окружающую среду, которая предшествует экспертизе и снабжает её крайне важными исходными данными. С 1 марта 2025 года общественные обсуждения в рамках такой оценки организуются органами местного самоуправления муниципальных районов, округов или городских округов по месту планируемой деятельности. Если работы затрагивают внутренние морские воды, территориальное море, исключительную

экономическую зону или континентальный шельф, а также если деятельность планируется на территориях двух и более муниципальных образований, то обсуждения в данном случае проводятся органами государственной власти соответствующих субъектов РФ. Заказчик принимает участие в данной процедуре, но не имеет отношения к её организации, что снижает риск конфликта интересов.

Материалы оценки размещаются в Федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды (Постановление Правительства РФ от 19 марта 2024 года № 329), дистанционное участие через портал государственных услуг допускается наравне с очным участием [6]. Срок обсуждений составляет 30 календарных дней, либо 10 календарных дней для объектов IV категории негативного воздействия, когда такая деятельность не подлежит государственной экологической экспертизе, а также для проекта технического задания, предварительных материалов оценки воздействия по плану ликвидации разливов нефти и материалов, переработанных после отрицательного заключения. Уведомление публикуется не позднее чем за 5 рабочих дней до начала обсуждений. Важно отметить, что экспертиза может проводиться в параллель с обсуждениями, но материалы обсуждений при этом должны быть представлены не позднее чем за 20 рабочих дней до её окончания.

Судебная практика показывает, что арбитражные суды достаточно внимательно проверяют заключения экспертных комиссий, но стараются не подменять специальные научные выводы собственной оценкой.

Показательным является спор о технологии получения материала «Ремедиат». Союз «Торгово-промышленная палата Ханты-Мансийского автономного округа Югры» оспаривал положительное заключение экспертизы проекта технической документации на утилизацию нефтесодержащих отходов и отходов бурения, ссылаясь на неполноту оценки воздействия. Требования заявителя последовательно оставлены без удовлетворения решением Арбитражного суда города Москвы от 21 марта 2025 года, постановлением

Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 июля 2025 года и постановлением Арбитражного суда Московского округа от 17 сентября 2025 года № Ф05-13769/2025 по делу № А40-262862/2024 [1]. Суды проверили соблюдение процедуры, состав комиссии и полноту материалов и пришли к выводу, что доводы заявителя сводятся к несогласию с существом экспертных выводов. В мотивировке отмечено, что документация, представленная на общественное обсуждение, может отличаться от той, которую заказчик представил после прохождения экспертизы, а сама технология апробирована в Пермском крае, где природно-климатические и геологические условия типичны для большинства нефтедобывающих регионов. Пока порядок экспертизы соблюден, положительное заключение сохраняет силу.

Другой пример наглядно показывает, что формальный подход экспертов способен подорвать доверие к институту. Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 12 сентября 2025 года (дело № А72-6781/2025) отрицательное заключение государственной экологической экспертизы признано незаконным [5]. Суд установил необоснованность замечаний экспертной комиссии и нарушения, допущенные территориальным органом Росприроднадзора при организации процедуры. Если отказ в согласовании опирается на претензии, не подкреплённые расчётами и нормативным обоснованием, добросовестный заказчик несёт издержки в связи с задержкой, а сама экспертиза утрачивает черты инструмента экологической безопасности. Судебный контроль в подобном случае восстанавливает равновесие и побуждает комиссии формулировать требования доказательно.

Правовой режим повторной экспертизы складывается из нормы, а не из отдельного прецедента. В действующей редакции Федерального закона № 174-ФЗ основание закреплено в п. п. 24 п. 1. ст. 11, куда оно перенесено изменениями, внесёнными Федеральным законом от 25 декабря 2023 года № 673-ФЗ. Ранее аналогичное правило содержалось в п. 5 ст. 18, абзацы которого утратили силу с 1 сентября 2024 года. Смысл механизма сохранился. Если документация,

получившая положительное заключение, изменяется в части проектных решений, она вновь становится объектом государственной экологической экспертизы, а прежнее одобрение перестаёт подтверждать её соответствие экологическим требованиям. Предупредительная функция института не ограничивается получением заключения, она требует также сохранения неизменности согласованных решений на всех последующих стадиях работы. Заключение экспертизы проектной документации, выдаваемое иным органом, имеет другой предмет и не заменяет выводов экологической экспертизы.

Актуальная практика вскрывает некоторые проблемы экологической экспертизы, где регулирование остаётся несколько неопределённым.

Первая проблема связана, как видится, с критериями отнесения технологий к объектам государственной экологической экспертизы. Расширение перечня с 2025 года усиливает потребность в ясных правилах, поскольку сами заявители нередко считают проведённую оценку воздействия недостаточной, а надзорный орган и суды исходят из полноты представленных материалов, как это произошло в ранее упомянутом деле № А40-262862/2024. Перечень областей применения и критериев отнесения утверждает Правительство РФ, и до стабилизации подзаконной базы сохраняются некоторые риски разнонаправленного толкования. Представляется, что в данном случае могло бы помочь закрепление проверяемых количественных порогов, привязанных к классу опасности сырья, свойствам продукции и объёмам выбросов и сбросов. Если модификация технологического процесса не приводит к превышению нормативов допустимого воздействия и не меняет качественный состав эмиссий, разумно предусмотреть упрощённый порядок, что теоретически могло бы снять избыточную нагрузку с предприятий, не ослабляя при этом экологические гарантии.

Вторая проблема касается границ судебного контроля. Суды воздерживаются от пересмотра научных выводов аттестованных экспертов и ограничиваются проверкой процедуры. При этом встречаются ситуации, в

которых заключение отменяется вследствие необоснованности замечаний и нарушений порядка, как в ранее рассмотренном споре по делу № А72-6781/2025. Граница между проверкой законности и вмешательством в специальную оценку остаётся подвижной, из-за чего заказчики не могут предсказать исход обращения в суд. Основания для признания заключения недействительным, как видится, стоило бы формализовать и свести к случаям ссылок на отменённые нормативные акты, отсутствие нормативного обоснования замечаний или выхода экспертов за пределы своей компетенции и нарушений непосредственно самой процедуры организации экспертизы.

Последняя выделенная проблема затрагивает вопросы общественной экологической экспертизы, которая не имеет юридической силы, являясь «рекомендательным» документом, вследствие чего выводы общественности редко имеют реальное влияние на итоговое решение. Как видится, обязанность экспертной комиссии составлять мотивированное обоснование отклонения каждого существенного замечания, поступившего в ходе обсуждений, могла бы изменить ситуацию. В сочетании с публикацией материалов в Федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды это, возможно, обеспечило бы реальное участие жителей затрагиваемых территорий.

Итак, экологическая экспертиза сохраняет за собой роль главного профилактического барьера на пути экологически опасных решений. Практика последних лет, на наш взгляд, подтверждает двойственную природу института. Он защищает окружающую среду, когда замечания экспертов обоснованы и подкреплены расчётами, но он же одновременно с тем нуждается в судебной защите от формальных отказов, когда предупредительный контроль подменяется административным усмотрением. Совершенствование критериев отнесения технологий к объектам экспертизы, формализация оснований для оспаривания заключений и укрепление диалога с общественностью, как видится, позволят усилить предупредительный потенциал данного института.

Библиографический список использованных источников

1. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.09.2025 № Ф05-13769/2025 по делу № А40-262862/2024 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=565993#mSASrXVlF7fUml16 (дата обращения: 07.10.2026).

2. Постановление Правительства РФ от 19.03.2024 № 329 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды») // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1800.

3. Постановление Правительства РФ от 28.05.2024 № 694 (ред. от 13.04.2026) «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» // СЗ РФ. 2024. № 23 (часть I). Ст. 3175.

4. Постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1644 (с изм. от 15.11.2025) «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» (вместе с «Правилами проведения оценки воздействия на окружающую среду») // СЗ РФ. 2024. № 49 (часть V). Ст. 7617.

5. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 3 сентября 2025 г. по делу № А72-6781/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7ShxpiFFNugq/?ysclid=mv5l2y4i2869841164 (дата обращения: 07.10.2026).

6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экологической экспертизе», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 части 4 статьи 2 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 25.12.2023 № 673-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 54; 2025. № 31. Ст. 4658.

7. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2026. № 32. Ст. 4527.

8. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8365.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №8

Октябрь 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026